

ЕЛИЗАВЕТА ДВОРЕЦКАЯ

КНЯГИНЯ ОЛЬГА

НАСЛЕДНИЦА ВЕЩЕГО ОЛЕГА

Княгиня Ольга

Елизавета Дворецкая
Наследница Вещего Олега

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дворецкая Е. А.

Наследница Вещего Олега / Е. А. Дворецкая — «Автор»,
2017 — (Княгиня Ольга)

ISBN 978-5-699-99288-1

Не прошло и года с тех пор, как княгиня Эльга и князь Ингвар заняли киевский стол. Благодаря согласию с королевой Сванхейд, матерью Ингвара, их владения теперь простираются до самого Хольмгарда, и в их руках весь Путь Серебра. Но мало власть получить, ее важно еще удержать. И потому молодой правительнице ежесекундно приходится помнить о том, что возникшая страсть между ней и побратимом мужа, Мистиной, может не только навлечь позор на род Вещего, к которому она принадлежит, но и привести к гибели недавно объединенную державу. Ходящие по краю, они должны сделать выбор между долгом и зовом сердца...

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99288-1

© Дворецкая Е. А., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	26
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Елизавета Дворецкая

Наследница Вещего Олега

Глава 1

Хольмгард, 1-й год по смерти Олава конунга

Королеве Сванхейд предстояло сделать нелегкий выбор. В начале минувшей зимы она овдовела и вот уже почти полгода сама с помощью дружины и двоих младших сыновей правила в Хольмгарде – так на северном языке назывался городок на острове между Волховом и его двумя рукавами.

Из одиннадцати детей Сванхейд и Олава к этому времени в живых оставались лишь пятеро. Старшая из дочерей, Мальфрид, была киевской княгиней, а сын Ингвар уже пятнадцать лет жил там же, в Киеве. Но на совсем ином положении – как заложник. Того требовал договор, когда-то заключенный меж ныне покойным Олавом и Хельги киевским, который на юге звался Олег Вещий. Послав в Киев весть о смерти мужа, королева Сванхейд стала ждать возвращения Ингвара. Пришла пора ему занять место отца.

Наследнику досталась держава пусть не очень обширная, но способная сделать своего владельца богатым и влиятельным человеком. Все торговые гости, идущие из Восточного моря к хазарам и сарацинам, платили хольмгардским владыкам десятину. Город, расположенный на холме и мысу под ним, населяли ремесленники, торговцы и хирдманы конунга. Славяне и выходцы из Северных Стран ковали железо, плавил бронзу, резали кость, продавая свои изделия в округе, а для богатой знати делали украшения из серебра и даже золота. Вокруг лежали густонаселенные земли, удобные для обработки; пашни подступали к самым окраинам Хольмгарда, и с многочисленных земледельческих общин конунги брали дань.

Мудрая, опытная и решительная женщина, королева Сванхейд успешно поддерживала заведенный порядок, но все с большим нетерпением ждала, что старший из ее сыновей вернется и возьмет управление державой над Волховом в свои крепкие мужские руки. И как еще она, мать, уживется с его женой, молодой княгиней...

Однако на исходе весны к Сванхейд вместо сына приехал совсем другой человек – Мистина, сын Свенельда, старого Ингварова воспитателя. И сообщил, что Ингвар не может вернуться в Хольмгард, поскольку провозглашен князем в Киеве.

– Провозглашен князем в Кенугарде? Ингвар, ты сказал? – Сванхейд подалась вперед, подумав, что ослышалась. Ей прекрасно было известно, кто княжит в Киеве и почему. – Но как такое возможно?

При всем ее умении владеть собой Сванхейд переменялась в лице, подумав о том, что могло открыть Ингвару путь к киевскому столу.

– Так пожелала дружина, – коротко ответил посланец.

Теперь уже, пожалуй, посол.

– Но что случилось... – Сванхейд в тревоге уцепилась за подлокотники резного высокого сидения и приподнялась, – с моим зятем? Он жив? И что с Мальфрид?

Того, кто еще недавно звался киевским князем, она знала очень хорошо. Олег Предславич, внук Вещего, сам много лет провел в Хольмгарде заложником, присланным сюда в обмен на Ингвара. Сванхейд не просто воспитала его – они с Олавом отдали за него замуж свою среднюю дочь.

– Он жив, и госпожа Мальфрид тоже цела и невредима, – успокоил ее Мистина. – Они покинули Киев и уехали на запад, в наследственные владения Олега, в Моравию. Между ними и Ингваром был заключен... ну, любовный уговор, – он выразительно двинул бровями, наме-

кая, что к этой «любви» одну из сторон склонили обстоятельства. – Они увезли все собственное имущество, а также половину наследства Олега Вещего. Половина осталась княгине Эльге: ведь она – племянница Вещего и на поколение старше Олега-младшего. И поэтому ее муж имеет не меньше прав на киевский стол, чем внук покойного по женской ветви. Дружина предпочла вручить власть Ингвару, поскольку Олег не оправдал надежды людей. Он не желал вести русь на поиски добычи и славы. Теперь Ингвар с его женой Эльгой владеют Киевом и всеми землями ее дяди на юге. Но Ингвар надеется, что ты, его мать, не отнимешь у него права наследовать также и за отцом.

– Так он желает... – Сванхейд привыкла к власти, но даже у нее захватило дух от мысли о том, на какую ширь простерлись притязания сына, – желает один владеть наследством и своего отца на севере, и дяди своей жены на юге?

– Именно так! – с торжествующей дерзостью ответил молодой посол.

По глазам его было видно: он вполне осознает размах затеянного дела и гордится успехом. Внешне оставаясь спокойной, Сванхейд была потрясена. В лице этого очень высокого, сильного и хорошо сложенного мужчины перед ней стояла та самая дружина, что привела бывшего заложника к власти в Киеве. Поколение, которое она видела щенятами, обратилось в волков и показало свою силу.

Хозяйка Хольмгарда увидела Мистину не в первые: здесь, в Хольмгарде, он и родился. Свенельд, его отец, в те времена был хирдманом молодого Олава конунга. Витислава, младшая дочь ободритского князя Драговита, досталась Свенельде как пленница, но он послал ее родным выкуп – пять других пленниц и захваченного вместе с ними священного белого коня, – и добился, чтобы Драговит признал брак законным. Мистина был единственным плодом этого союза. Семнадцать лет назад Свенельд увез обоих мальчиков, сына и воспитанника, в Киев. Три года назад Мистина уже навещал Олава и Сванхейд, когда старался устроить брак Ингвара и Эльги – племянницы Вещего и родственницы плесковских князей. И он его устроил! Будто посланец Фрейра в саге о сватовстве к прекрасной дочери великана, сочетанием силы и хитрости парень раздобыл невесту для побратима, и благодаря ей Ингвар получил права на киевский стол.

То был первый их шаг к власти и славе. Теперь они совершили второй. И, судя по твердому взгляду посланца, уже устремленному к новой цели, не собирались на этом останавливаться.

Мистина был хорош собой, довольно правильные черты лица портила только горбинка на носу, оставшаяся от давнего перелома. Длинные русые волосы Свенельдич зачесывал назад и связывал в хвост, чтобы открыть красиво обрисованный лоб. Маленькая русая борода не скрывала твердых очертаний челюсти. В серых глазах светились дерзость и вызов, яркие губы были сложены так, будто вот-вот на них расцветет торжествующая усмешка.

В грид вбежала Альдис, младшая из двух дочерей Сванхейд. Ей было восемнадцать лет, и отец-славянин мог бы уж года три-четыре как выдать ее замуж, но Олав не спешил с этим. В таких знатных родах любой брак – это союз куда большего количества людей, чем двоих. Как и мать, Альдис была высока, худощава, с очень светлыми волосами и бровями.

– Говорят, кто-то приехал от Инге... – начала она на ходу, устремляясь к матери, но тут увидела гостя. – Мисти! – радостно вскрикнула она. – Это ты!

Мистина, обернувшись, с улыбкой шагнул к ней и протянул руки. Альдис радостно обняла его. Когда отец увез шестилетнего Мистину в Киев, она была младенцем и его не запомнила, но три года назад, приехав сюда по делу к Олаву конунгу, он за несколько дней успел завоевать ее дружбу. Видя, как они обнимаются, Сванхейд слегка переменилась в лице и вонзила в эту пару заострившийся взор. В прошлый свой приезд Мистина намекал, что в награду за удачное сватовство к Эльге Ингвар обещал ему в жены собственную сестру. Олав тогда не

сказал ни да, ни нет: сын Свенельда был хорошего рода, но никакими землями не владел, а Альдис могла рассчитывать на брак, который сделает ее госпожой над целым краем.

– Как ты похорошела! – Мистина нежно поцеловал девушку в щеку. – Но, Альди, не будем давать повода к сплетням: я женат.

Он сказал это с шутливым сожалением, но Сванхейд заметила, как вмиг погасло оживление дочери. Однако Мистина правильно сделал: чем дольше он тянул бы с этим признанием, тем больнее оно ударило бы потом.

– Вот как! – Королева засмеялась, отвлекая внимание от дочери на себя и одновременно испытывая облегчение: ей не придется ему отказать. – Любопытная новость. На ком же?

– На сестре Эльги. Это хорошая женщина, и она ждет уже третьего ребенка.

– Так вы с Ингваром теперь свояки! – Сванхейд еще раз широко открыла глаза, внезапно обнаружив, что перед ней стоит новоявленный родич.

– Да, госпожа!

– А как поживает Эльга? Чем меня порадует моя невестка?

– У нее прекрасный сын, очень крепкий мальчик, да хранят его боги.

«По-прежнему один?» – подумала Сванхейд, уже знавшая о первенце Ингвара, но не стала упоминать вслух об этом досадном обстоятельстве.

Альдис отошла к своему обычному месту и села, с невозмутимым видом сложив руки на коленях. Сванхейд с одобрением проводила ее глазами: едва ли кто, кроме матери, угадает ее разочарование.

– Значит, Мальфрид с мужем и детьми уехала из Кенугарда? – Сванхейд вновь перевела взгляд на посланца.

– С мужем и сыном. Дочь их осталась в Кенугарде. Если помнишь, она обручена с древлянским князем, и они поженятся лет через семь, как подрастут.

– Мальфрид оставила ее? – удивилась Сванхейд. – Маленькую девочку?

– Ингвар и Эльга пожелали оставить свою племянницу у себя, – уточнил Мистина. – Но и Олег с Мальфрид согласились, что будущее родство с древлянским князем им тоже пойдет на пользу.

Сванхейд покачала головой. Она сама отослала четырехлетнего сына в чужие края, когда того потребовало благо ее северной державы, но он был лишь одним из шести ее отпрысков. У Мальфрид же всего двое детей. Королева не знала, что и думать: ее сын отнял у родной сестры и власть, и ребенка, а раздор в семье навлекает гнев богов и губит весь род.

– Зато, как мы надеемся, благодаря этому подтверждение договора с землей Деревской не будет стоить большого труда, – добавил Мистина. – Мы займемся этим зимой, когда поедем туда за данью. Можно лишь сожалеть, что Олег-младший не завел десять детей и не обручил их с наследниками всех князей на Восточном пути. Ведь теперь нам... то есть Ингвару нужно возобновить все договоры, которые были у прежних киевских князей с правителями руси, и славян, и со всеми другими: греками, хазарами, уграми, печенегами! Чуть ли не всех доверенных людей ему пришлось разослать по городам и землям. До Сюрнеса я ехал вместе с братьями Гордезоровичами, а оттуда один из них отправился в Плесков – к родичам Эльги. Мы надеемся на твою поддержку, когда придется говорить с людьми из Страны Бобров – они не пойдут против твоей воли.

– А как же Сверкер из Сюрнеса?

– С ним я поговорил сам. И так понял, что его решение будет зависеть от тех вестей, что я привезу на обратном пути.

Мистина помолчал, давая Сванхейд возможность осмыслить сказанное, и продолжил:

– Сейчас судьба всех русских владений, от Восточного моря до Греческого, зависит от тебя, госпожа. Твоя мудрость понадобится, чтобы принять единственное правильное решение. Если ты поддержишь Ингвара и сохранишь за ним права наследования, то впервые все земли

между этими двумя морями окажутся объединены в одних руках. Пока у власти находились Олег и Мальфрид, это было невозможно. Твой сын станет могуч, как ваш предок Харальд Боезуб, и положит начало могущественнейшему роду в этой части света. Или же ты предпочтешь, чтобы несколько твоих сыновей носили звание конунгов одновременно, и отдашь северные владения Олава твоим другим сыновьям. Но ты сама знаешь, что бывает, если несколько могущественных людей начинают делить наследство общих предков. От этого торжествуют только их враги.

– Вижу, что моего сына в Кенугарде плохо кормили, – обронила Сванхейд. Чем лучше она осознавала все значение случившегося, тем холоднее становилось ее лицо. Кроме победы, у этих событий имелась и обратная сторона. – Он вырос голодным и жадным. Отнял власть у родной сестры, изгнал ее на чужбину, разлучил с дочерью...

– Он сам схожим образом в детстве был разлучен с тобой, госпожа, его матерью! – быстро вставил Мистина. – И могу заверить: ему очень не хватало тебя все эти годы. У меня ведь тоже не было матери, и мы с ним росли среди одних только хирдманов.

Сванхейд заметила, как Альдис при этом бросила на него сочувствующий взгляд, и пододвинула про себя: и этот наглец смеет намекать, будто его было некому любить?

– Ингвар был лишен материнской заботы, но потом судьба послала ему сестру, – со сдержанным негодованием напомнила королева. – Он мог бы жить в любви с Мальфрид, как и положено родичам, но вместо этого оскорбил и ограбил ее и ее семью! А завладев этим наследством на юге, не хочет поделиться отцовским наследием с братьями. Что за чудовище я выкормила своей грудью, скажи мне! – Сванхейд подалась вперед и вонзила в посланца пристальный взгляд голубых глаз. – Ты вырос с ним вместе, а я, оказывается, совсем его не знаю! Я привыкла жалеть его, своим унижением и неволей вынужденного оплачивать наш мир с Кенугардом, а оказывается, что жалеть надо всех тех, кто оказался у него на дороге!

– И все же он остается твоим сыном, госпожа, и может сделать для славы вашего рода куда больше всех прочих. Имея в руке меч, отважный человек добьется многого. А разрубив его на десять маленьких частей и одарив всю родню, мы получим десять бесполезных кусочков железа. Владея и Хольмгардом, и Кенугардом, Ингвар сможет крепко держать в руках все то, что между ними. Все пути, ведущие на Греческое и Хазарское море. Управляя этой страной от имени брата, Торродд и Хакон получают больше, чем если бы это было их собственное владение. Что вы думаете об этом? – Мистина повернулся к братьям Ингвара.

Торродду было уже почти двадцать лет, а Хакону – четырнадцать. Достаточно взрослые, чтобы решать за себя, оба тем не менее обратили вопросительные взгляды к матери. На лицах их было смятение: они не знали, чью сторону в семейном раздоре следует принять.

– Однажды вступив на путь обогащения за счет родных, человек становится опасен, как медведь, испробовавший человеческой крови, – сурово ответила Сванхейд. – Что Ингвар предложит нам, чтобы я могла быть спокойна за будущее младших моих сыновей?

– Мы обсудим условия, которые Ингвар предлагает братьям, как только они пожелают меня выслушать.

– Это мы сделаем завтра. – Сванхейд встала. – Я должна обдумать все, что узнала. Может быть, спросить богов. Дурную весть ты принес мне, – она бросила на Мистину холодный взгляд, в котором сквозила боль, как вода под слоем голубого льда. – Мой сын вырос драконом, готовым пожирать своих!

Она вышла, и все в гриде проводили ее тревожными взглядами.

– О, Мисти! – Альдис смотрела на посланца с тревогой. Лицом она так походила на старшую сестру, что Мистине стало неловко, будто перед ним вдруг очутилась сама Мальфрид. – Она...

– Она же не проклянет его, нет? – хриплым ломающимся голосом докончил Хакон, самый младший из братьев.

* * *

Вероятно, королева Сванхейд раскидывала руны в уединении, но никому не сказала, что они открыли ей. Однако на следующий день она согласилась выслушать, что Ингвар предлагает братьям: третью долю дани и пошлин, собираемых в Хольмгарде, с правом беспошлинной продажи всего этого в Киеве или в самом Царьграде, когда новый князь восстановит договоры с греческими кейсарами. К тому же Ингвар брался поспособствовать тому, чтобы все братья получили невест самых знатных родов, а сестра – жениха.

– Для Тородда у нас припасено кое-что особенное, – рассказывал Мистина. – Одна родная сестра Эльги обручена с сыном воеводы Чернигостя, но вторая еще свободна. Ей пятнадцать лет, и по славянским обычаям она уже годится в жены. Я видел ее три года назад и могу сказать тебе, Тородд, что красотой она почти не уступает Эльге. Что скажешь? – Он подмигнул парню. – Такая невеста достойна твоего рода, и Эльга сама устроит этот брак. Тебе останется лишь послать за девушкой, чтобы ее доставили сюда.

– Кстати, о Плескове, – вспомнила Сванхейд. – Возможно, вы в Кенугарде еще не знаете, что у нас больше родичей, чем мы думали.

– Так всегда оказывается, стоит кому-то добиться успеха! – Мистина засмеялся. – Когда человек становится конунгом, у него обычно находится куда больше родни, чем он раньше думал!

– Нет, этот человек появился еще зимой, пока Ингвар не был конунгом. Это брат его жены.

– У нее, сколько я знаю, два родных брата и два двоюродных...

– Это ее сводный брат. Старший сын ее отца, он родился в Хедебю и лишь осенью впервые приехал в Гарды. Его имя Хельги Красный.

Мистина изменился в лице: непринужденная любезность слетела с него, сменившись недоверием.

– Что? – обронил он, и в этом коротком слове отчетливо слышалось многое: от недоумения до угрозы.

– Он провел здесь у нас месяца два, и мне известны все его обстоятельства из первых рук. Это весьма отважный и предприимчивый мужчина, я бы сказала.

– Мужчина?

– Он на пару лет старше тебя, как мне показалось. Так что, похоже, до наследства Хельги киевского есть больше охотников, чем думает Ингвар.

Мистина помолчал, но Сванхейд по этому молчанию поняла едва ли не больше, чем за весь предыдущий разговор. Лицо его стало замкнутым, в чертах отразилось легкое пренебрежение, а серые глаза вдруг сделались непрозрачными, будто окна в душу закрыли две стальные заслонки. Это выражение не обещало ровно ничего хорошего тому, о ком он думал в эти мгновения.

Сванхейд постучала пальцами по подлокотнику сидения. Она была еще недурна собой: ей оставалось два-три года до пятидесяти, но черты худощавого лица – продолговатого, с высокими скулами, – даже при морщинах остались четкими, и в них ум и решимость вполне замечали красоту. Произведя на свет одиннадцать детей, она раздалась в бедрах, но не располнела; в прямом платье синей шерсти с золочеными наплечными застежками, с покрывалом белого шелка на голове немолодая королева выглядела величавой и даже способной восхищать.

– Надеюсь, в мои преклонные годы никто не подумает обо мне дурно, даже если я позову молодого мужчину побеседовать со мной наедине! – улыбнулась она, но голубые глаза ее оставались прохладны. – Идем, – она встала с высокого сидения с резной спинкой и сделала Мистине знак следовать за ней.

Закрыв за собой дверь спального чулана, она села на лежанку и указала Мистине на большой ларь.

– Ну а теперь, – тихим голосом произнесла она, – Расскажи мне, что произошло в Кенугарде на самом деле. Руны открыли мне, что ты выложил лишь внешнюю сторону событий. Внутренняя осталась скрыта. И пока я не узнаю ее, я не смогу решить, сын мой стал конунгом в Кенугарде или жадный дракон.

Мистина взглянул ей в глаза – более пристально, чем дозволено мужчине перед женщиной, молодому перед той, что годится ему в матери, хирдману – перед королевой. Он без затруднений умел и утаивать правду, и искажать ее, но также понимал, что иной раз правда полезнее самый красивой лжи. Опытная женщина королевского рода могла оценить и те преимущества, которые теперь получил ее сын, и тех людей, которые ему это обеспечили.

Ингвар не хуже других понимал, как провинился перед собственным родом – хоть и пришло это понимание уже тогда, когда дело было сделано. Но не желал усугублять вину ложью перед матерью. Если бы Сванхейд простила его и приняла его сторону, это в немалой степени сгладило бы дурные последствия; но попытайся он ее обмануть, и эта новая вина легла бы тяжелым грузом на прежнюю.

И Мистина рассказал ей все: про старого князя Предслава и священника отца Килана, про исчезновения кур и нападения на людей. А также о том, откуда эти пугающие чудеса взялись¹.

Сванхейд молчала, внимательно разглядывая его. В былые годы она очень хорошо знала и его деда, Альмунда, и его отца, Свенельда, и дядю, Годреда, который погиб еще до рождения Мистины. Лучше него самого Сванхейд видела, как он похож на своих родичей: тот же высокий лоб, прямые русые брови, глубоко посаженные глаза, высокие скулы. Только цвет глаз другой – не пыльного желудя, как у них у всех, а серые, как у матери. Благодаря матери Мистина уродился самым красивым в семье. Это Сванхейд своим женским взглядом заметила в первую очередь – но не только это. И пожалуй, с Годредом у него даже больше сходства, чем с собственным отцом, хоть он сам и не может этого оценить – очень высокий рост, сложение, покатые плечи... Честолюбия в нем не меньше, но более уверенности. В Годреде вечно тлела жажда борьбы и победы, а этот источает убежденность, что уже победил. Повадка, взгляд Мистины выражали ум, упорство и целеустремленность, придававшую ему сходство с дорогим рейнским мечом, который и сам по себе сокровище, и способен проложить путь к новым, еще не завоеванным сокровищам. Этот, единственный мужчина в поколении Альмундовых внуков, пожалуй, пойдет дальше всех в роду.

Рассказывая, Мистина видел: его расчет оправдался. В глазах Сванхейд проступало не столько негодование, сколько понимание и любопытство. Причем не только к событиям, но и к тому, кто рассказывал. Своим доверием к ее уму и опыту Мистина добился больше, чем мог бы добиться похвалами ее якобы неувядающей красе, на которые так падки обычные женщины.

– О боги! – Сванхейд приложила руку к груди. – Ты... допустил, чтобы оборотень напал на твою жену! Скажу прямо, тебе не видать было бы моей дочери, даже если бы ты еще не женился.

– Требиня знал, что если он хоть поцарапает мою жену, я сверну ему шею.

– А если бы у нее сердце от страха разорвалось?

– Это едва ли. Она еще до приезда в Киев пережила такое, что ее сердце могло десять раз разорваться. А раз выдержало, значит, его выковали из самого крепкого железа.

– Но она была беременна!

– Тогда, кажется, даже сама она еще не знала. Это выяснилось чуть позже... – Мистина слегка свел брови, припоминая. – Да, она сказала мне уже после того, как Ингвара подняли

¹ Подробно в первой книге цикла, «Княгиня Ольга. Невеста из чаши». (Здесь и далее – примечания автора).

на щите. Я надеюсь, она родит много сыновей и это будут храбрые парни. Ведь известно, что силу духа сыновья наследуют от матери.

Пока он говорил, взгляд королевы не раз соскальзывал с его лица на середину груди; замечая это, Мистина стал неспеша расстегивать кафтан. Сванхейд внимательно следила за его рукой, не пропуская между тем ни одного слова.

– Кто бы мог подумать... – пробормотала она, когда он закончил. – Когда ты родился, я приняла тебя и обмыла. Сколько же лет прошло – двадцать пять? Или двадцать три?

– Я на два года старше Ингвара, а сколько ему лет, ты уж верно помнишь, госпожа.

– Тогда ты был вопящим красным младенцем, правда, крупным и тяжелым для новорожденного. Нелегко ты дался твоей бедной матери.

– Но легче, чем тот, что хотел пройти за мной следом.

– Да, второго раза она не пережила. И вот теперь... – Сванхейд еще раз окинула его взглядом с головы до ног, – ты стал мужчиной, способным свергать одних конунгов и сажать на престол других.

– С тех пор, как ты сама видишь, я заметно подрос... Все, что мне дали боги, теперь куда больше прежнего, – непринужденно добавил он.

– Всего я еще не видела... – задумчиво заметила Сванхейд.

– Если госпожа моя королева пожелает... – понизив голос, ответил Мистина с неповторимой смесью достоинства и мягкой вкрадчивости.

Высоко себя ценя, он тем не менее был не скуп и готов поднести себя как ценный дар – тому, кто в его глазах этого заслуживал.

– Человек на том пути, на какой ты вступил, должен уметь молчать, – намекнула Сванхейд.

– Ты, госпожа, уже знаешь об этом деле больше, чем моя жена. И то потому, что так пожелал Ингвар конунг. Но я хорошо понимаю: бывают вещи, которых не нужно знать ни жене, ни Ингвару.

– Тогда пересядь поближе, – хозяйка подвинулась и приглашающее коснулась ладонью ложа, – и Расскажи мне, что это за вещи...

Глава 2

Плесковская земля, Варягино, 9-е лето Воиславово

– Не собирать нам росы нынче – дождит. – Воеводша Кресава Доброзоровна вошла со двора и скинула большой верхний платок. На грубой серой шерсти блестели капли. – А в лес все одно идти надо.

– Я схожу, – Пестрянка пересаживала ребенка с колен на лавку. – Только вы за мальцом приглядите, не хочу его в такую мокрядь с собой тащить.

– Да я пригляжу... Хочешь пойти? – Свекровь немного замялась. – Может, парней пошлем?

– Парни пусть венки себе вяют, – нахмурилась Пестрянка. – Чего им туда ходить, только тоску разводить.

У Торлейва уже подросли племянники – Эймунду сравнялось пятнадцать, Олейву – четырнадцать, и втроем с Кетькой, двенадцатилетним младшим сыном самого воеводы, они легко справились бы с таким делом, как доставка припасов «к ручью». Но Пестрянка даже обрадовалась случаю на целый день уйти подальше от людей. Хотя и дождь, а Купалии есть Купалии – сейчас начнется беготня, явятся девки и молодухи из-за реки, из Выбут, притащат березовых веток, охапки зелени и цветов, будут вить венки и развешивать по окнам, стенам и дверям. Хохотать и поддразнивать друг друга будущими женихами. И ее, Пестрянки, сестры – чернобудинские девки – тоже набегут. И ей опять стыдиться перед ними, хотя они здесь, на воеводском дворе, гости, а она – хозяйка, младшая из двух, но уважаемая и даже любимая. Свекром-воеводой и свекровью.

Сама Пестрянка в последние годы невзлюбила Купалии. Самый веселый день годового круга, полный смеха, пения и плясания, ей причинял лишь досаду, напоминая про обманутые надежды и загубленную молодость. Ровно три года назад она внезапно вышла замуж... и пробыла замужем неделю. И без недели три года уже живет не пойми кем. Свекор ее, воевода Торлейв, говорил, что в нурманском языке есть название для женщины, у которой муж ушел в поход надолго и не возвращается, но Пестрянка его забыла. Дома родители мужа говорили по-славянски, и ей не требовалось учить язык варягов. Так, нахватавшись с сотню слов.

Пестрянка часто думала: видать, порвалась нить ее судьбы, и вот она сидит на месте, держа оборванный конец и не зная, как двигаться дальше. На девятнадцатом году, здоровая, красивая, с двухлетним чадом – живет в чужом доме, без мужа и без надежды найти нового, потому что прежний жив... слава богам. Глядя на своего сына, Пестрянка видела в нем отцовскую породу. В семье его звали просто Пестренец – другое имя дед, Торлейв, отказался давать без родителя. А тот, хоть и знает о сыне, ни слова о нем за эти два года не передал.

Пестрянка знала, что не виновата в своем одиночестве – и свекор со свекровью то же говорили, – но не могла избавиться от потаенного стыда. Может, если бы она была лучше – покрасивее, поумнее, посильнее родом, – муж вернулся бы или взял бы ее к себе. Правда, он и разглядеть ее едва успел. Помнит ли теперь в лицо свою жену молодую?

– Не тяжело тебе будет? – Доброзоровна выволокла из голбца и поставила на лавку короб, уложенный еще с вечера. – Я тут всего им насобирала...

Пестрянка заглянула в короб: хлеб печеный, ячмень, мука ржаная и овсяная, сухой горох, горшочек масла, шмат сала копченого, да еще особо лукошко яиц, переложенных сеном. Получилось увесисто, но Пестрянка, взяв за лямку, прикинула и усмехнулась: разве это тяжесть?

Женщина она была крепкая, хоть и не выше среднего роста, но крупнее своей щуплой свекрови, и никакой работы не боялась.

– Возьми мой платок! – Когда Пестрянка уже вскинула лямки на плечи, Кресава сама прикрыла ей голову своим серым платком. – Он не скоро еще промокнет.

– В лес войду – там меньше капает, – Пестрянка отмахнулась.

Во дворе лишь слегка моросило, однако небо было затянуто ровной серой пеленой, не темной и хмурой, но плотной – такая может висеть много дней подряд, особенно здесь, в краю северных кривичей, где ясные дни нечасты. Не очень-то сегодня погуляешь, если к вечеру не развиднеется! Костры, конечно, будут, народ соберется, но под дождем сделают только самое нужное – похоронят Ярилу, пустят венки да и разбегутся. Был бы такой же хмурый вечер три года назад – может, не встретила бы Пестрянка свою судьбу дурацкую и года два была бы замужем за кем-нибудь другим, жила бы теперь, как все бабы...

Пестрянка была не из тех, кто вечно ноет и жалуется. Но сейчас, когда наступили уже третьи Купалии с того злосчастливого дня, когда она так глупо решила свою судьбу, больше нельзя было отмахиваться: дескать, все наладится, однажды муж вернется, и станут они жить-поживать... Три года – срок, после какого сгинувшего мужа можно считать мертвым и подыскивать нового. Но ее муж был жив, это Пестрянка знала точно, и оттого мысли ходили по кругу. И сейчас досада на собственную беспомощность достигла такого накала, что стало ясно: дальше так нельзя. Надо что-то делать.

– Фастрид! – раздался окрик неподалеку. – Хейльду!² Что еси такая хмурайя?

Пестрянка обернулась. Она уже миновала двор и вышла к реке – впереди над белыми камнями брода бурлила вода, высокая из-за дождей. У воды стоял молодой мужчина в прилипших к мокрому телу портках. Рослый, крепкий, плечистый, с широкой грудью, он был бы недурен собой, если бы не красновато-розовое, заметное родимое пятно на левой стороне лица и шеи: оно шло через левое ухо, щеку, рот, подбородок и горло. К счастью, не поднималось выше скулы, на лице лишь отчасти просвечивало сквозь светло-русую бороду и бросалось в глаза только на ухе и шее слева. Сейчас, когда он стоял без сорочки, было видно, что пятно спускается по горлу и кончается на два-три пальца ниже ключиц. При виде него Пестрянка поначалу содрогалась: было уж очень похоже на кровавый поток из перерезанного горла. Глупые девки, впервые увидев Хельги Красного, взвизгивали. А он держался так, будто ни о каких недостатках своей наружности даже не подозревает. Единственным, кому это пятно не бросалось в глаза, был он сам.

– Будь с-це-ела, – старательно выговорил Хельги. Он жил здесь с зимы и уже заметно улучшил свой славянский язык, начатки коего принес из родного Хедебю сюда, на реку Великую. Только имя Пестрянки он выговорить не мог и придумал ей другое, похожее. По его словам, имя Фастрид означает «красавица». – Я правильно говорю?

– Нет! – Пестрянка ухмыльнулась. – Цела, а не села! Села – это ситья! – И показала рукой над землей, будто хочет сесть.

– Но все время по-разному! – с отчаянием воскликнул Хельги.

– Ничего не по-разному! Просто ты не помнишь!

– Будь ц-ела, – на этот раз у него получилось немного ближе к нужному. – Теперь да?

Он быстро запомнил, что слова «целый» и «целовать» состоят в близком родстве, и при желании целости можно поцеловаться. Пестрянка увернулась, невольно смеясь, и он лишь успел скользнуть губами по ее лбу под повоем, но тоже засмеялся.

– Ты чего так рано встал? – удивилась Пестрянка.

– Я йэсцо не спал.

– Где же ты был?

– А! – Хельги махнул рукой за реку. – Там.

Вчерашний вечер выдался пасмурным, но без дождя, поэтому девки на той стороне допоздна пели и резвились в березняке. И визжали с таким задором, что сразу становилось ясно: парни там тоже есть. Пестрянка поджала губы: она сильно подозревала, что ночами, когда

² Привет! (др. – сканд)

пятна не видно, веселость и разговорчивость Хельги приносят ему большой успех у выбутских девок, чем при свете дня.

– Эх, догуляешься! – вздохнула она, снова подумав о себе.

Хельги был старше ее на семь лет – давно уже не отрок. Но она порой смотрела на него почти материнским взглядом – таким беззаботным и легкомысленным он ей казался. Ни кола ни двора – и при этом ни печали, ни стыда, а лишь готовность принять все, что принесет наступающий день.

– Куда ты идешь с этим большим... колобок? – Хельги взял с травы свою сорочку и стал вытираться.

– Коробок! – поправила Пестрянка. – В лес к ужасной ведьме-колдунье.

– Виедьма? Хэкс? – Хельги сделал страшное лицо.

– Вот именно. Надо ей припасы отнести, – Пестрянка двинула плечом под лямкой короба.

– Это опаска?

– Опасно? Нет, пожалуй. Это Бура-баба. Тебе разве про нее не рассказывали?

– Ней. А мочно я пойду с тобой?

– Ну... – Пестрянка заколебалась. – Чего тебе там делать? Иди спать, а то потом Купалии проспшишь.

– Нет, подожди меня.

Хельги сел на траву и принялся разбирать свои обмотки. Это было дело небыстрое, тем более что он их не свернул, когда снимал, а просто бросил, и теперь тканые шерстяные полосы длиной в семь локтей сперва надо было смотать. Пестрянка вздохнула, опустила короб к ногам. Вот навязался! Зачем ей брать его с собой? Да и можно ли, все-таки он чужой... Ну, не совсем чужой. Хельги – сын Вальгарда, старшего брата Торлейва, то есть Пестрянкиного свекра, а Бура-баба в своей прежней, человеческой жизни была Вальгарду женой. Однако три года назад уйдя в лес, Домолюба оборвала все свои человеческие связи. Даже родные дочери, Володея и Берислава, навещая ее, не имели права называть ее матерью и видеть лицо – только птичью личину. Поэтому они и не любили к ней ходить – уж очень было жутко и тоскливо смотреть на свою мать, которая больше вам не мать, не мертвая, но и не живая.

В глазах Хельги, когда он наконец встал, застегнул пояс поверх сорочки и объявил, что готов, блесло лишь любопытство. Веки его припухли, волосы спутались, да и весь вид был помятый, но тем не менее он улыбался, ничуть не огорченный тем, что бессонная ночь прямо сразу переходит в новый день – к тому же хмурый и дождливый.

– Сходи хоть свиту надень, – предложила Пестрянка, глядя, как мелкие капли падают на серый холст его сорочки. – То есть это... капу³ свою.

Но Хельги только махнул рукой и взял ее короб. Он был удивительно неприспособлен и, кажется, совсем не обращал внимания, что есть, во что одеваться и где спать.

– Йа слышал, сегодня будет самый большой... мидсоммар ден? – спросил он, когда они вдвоем направились по тропе вдоль реки.

– Купалии.

– Купаться?

– Сегодня весна кончается, лето начинается. Ярила Лелю в жены берет, а сам умирает.

– Вот печаль! И как... зачем брать в жены, если умирать? – Хельги взглянул на нее, намекая, что можно придумать и получше.

– Судьба такая! – Пестрянка вздохнула, снова подумав о себе. – Я вот тоже, как Леля: замуж вышла и сразу одна осталась.

Мысль об этом сходстве пришла ей сейчас впервые и так ее поразила, что она даже остановилась. Леля и Ярила лишь мимолетно соединяются на эту ночь и вновь расходятся, но

³ Капа – скандинавское название запашной куртки.

земля начинает приносить плоды. Так и они с Асмундом: встретились и разошлись, но теперь у них растет сын... Неужели это все? В который уже раз она задала себе этот вопрос, но сейчас поняла, что больше не может слышать в ответ тишину.

– Ты давно одна? – Хельги внимательно наблюдал за ее лицом, пытаясь разобраться, где она говорит о судьбе богов, а где – о своей собственной.

– Три года! – Пестрянка пустилась дальше по тропе, которая здесь отходила от реки и выгона и углублялась в лес. – На Купалиях многие женятся, хотя свадеб не гуляют.

– Как? – Хельги поднял брови.

– Ну, встречается парень с девкой, и если хочет ее в жены, то ведет вокруг озера или ключа... У нас вон, ключ Русалий, – Пестрянка махнула рукой к берегу реки, где на обрыве по белым известковым выходам журчали многочисленные струи. – Туда все ходят. Три раза обойдут кругом – тогда муж и жена. Потом парень девку домой к себе ведет, родителям показывает. Утром свекровь ей две косы плетет и повой надевает – теперь молодуха. И живут. А если не сами парень с девкой, а родичи их сговариваются и невесту привозят, тогда свадьбу осенью играют.

– Сколько у вас разных обычаев!

– А у вас не так?

– У нас свадьба без пира, свадебного пива, даров и пляски с огнями – это не свадьба, а без-дели-ца... – Он покрутил рукой. – От этого родятся побочные дети.

– Мой сын – не побочный! – Пестрянка остановилась и в возмущении повернулась к нему. – Мне Доброзоровна сама повой надевала!

– Да-да! – Хельги успокаивающе прикоснулся к ее плечу. – Побочный сын – это я. И если бы твой тоже был побочным, я не тот, кто станет тебя не... нечестить.

Он опять улыбнулся, будто все их сложности не стоили разговора. Пестрянка вздохнула и тронулась дальше по тропе. Они уже вступили в ельник; на ярко-зеленых от влаги лапах висели крупные, прозрачные капли, но морось поунялась и воздух был почти чист. Остро пахло лесной землей и травами; насыщенный свежестью воздух распирает грудь, побуждая и человека расти вслед за прочими детьми земли.

– Его мать заставила жениться, – стала рассказывать Пестрянка, хотя Хельги больше не задавал вопросов. Но он всегда охотно слушал, а его смешной славянский язык создавал впечатление, что он половину не поймет и поэтому ему можно открыть то, чего открывать никому не хочется – почти как доброй собаке. – У них тогда тяжелое лето выдалось: твой отец как раз перед этим погиб, а сестра Елька в Киев сбежала. Домолюба осталась с четверьмя младшими детьми вдовой. А вскоре после того прежняя Бура-баба умерла, а еще Князя-Медведя убили... – Пестрянка понизила голос до шепота, сообразив, что в лесу не стоит говорить об этом. – Князя-Медведя нашли убитым, его в спину ударили чем-то, ножом или вроде того, а потом еще лоб разрубили.

– Кто се есть? – Хельги напряженно смотрел ей в лицо, стараясь понять, в чем дело. – Конунг медведей?

– Князь-Медведь – это наш самый старший ведун, он в лесу обитает и мертвым путь на тот свет отворяет, а живым – на этот. В нем все чурьы наши и деды живут, а тут его взяли и убили! У нас такой страх был по всей волости, думали, гибель нам всем придет. Ждали, что теперь все нави и кудесы на нас так и набросятся, а остановить их некому. Еще толковали, будто ни одна баба теперь чад не родит, пока вину не искупим, а как искупать – и спросить не у кого.

– Кто его убил? – серьезно спросил Хельги.

– Невесть кто! Тут киевляне тогда были, варяги, они Ельку увезли от него, они, значит, и убили. Да их не сыскали. Ну вот, а вместо старой Буры-бабы, князь сказал, теперь будет Домолюба. А прежняя Бура-баба, которая умерла, была их мать, Домолюбы и Воислава. Домолюба и пошлав лес вместо матери. А Доброзоровна в доме одна хозяйничать осталась, у нее на руках

деверя четверо детей да свой Кетька. При ней тогда еще своя дочь была, Ута, но ее в Киев с Елькиным приданым снарядили, она и уехала. И уже Доброзоровна знала, что дочери уезжать, не хотела одна оставаться в доме, вот и велела Аське: ступай, дескать, на Купалии, ищи себе жену. Он и пошел.

Пестрянка помолчала и глубоко вздохнула:

– Я его раньше видела. Года за два даже. Он мне нравился. Приглядный такой парень. Не разговорчивый, зато основательный. И собой хорош. Я едва заневестилась, все на него посматривала, да думала: где уж нам? И тут вижу: он тоже все на меня поглядывает... и еще на Утрянку, сестру мою, стрья Чистухи дочку. А потом говорит: пойдешь за меня? Я аж не поверила. Чтобы такой парень, да воеводы старший сын, ко мне посватался? Говорили, на этот год никто жениться не будет, потому что Князь-Медведь... А я уже взрослая была, ждать не хотела. И парень такой хороший, семья богатая. Я и пошла с ним. А там недели не прошло, собрались они в Киев, Уту замуж везти, Аська с ними поехал. Я думала, жалко, теперь, может, только зимой воротится, но что делать – он у них, Уты и Ельки, один был взрослый брат. Уехал... и все. И не возвращается больше. Я уж думаю: может, он и не хочет возвращаться? Может, забыл про меня? Такая я незадачливая...

Судя по глазам Хельги, он почти с самого начала утратил нить повествования и совсем не понял, кто куда уехал и кто кому кем приходился. Но главное он разобрал: Пестрянке грустно.

– Глэди мин⁴... – Хельги взял ее за плечи и бережно прислонил к себе. – Не надо много печаль иметь. Ты такая красивая. Тебе будет счастье.

Пестрянка уткнулась носом во влажный холст его сорочки, сквозь нее ощущая тепло тела. Хельги был лучше собаки: он мог ответить, пусть не слишком складно, зато именно то, что хотелось услышать. Но разве она не слышала таких же утешений? Ей говорила это и своя родня, и Аськина. Его родители тоже были недовольны тем, как сын поступил с молодой женой: привел, а сам пропал. Пестрянка даже слышала, как свекор упрекал свою хозяйку: ты, дескать, парня вытолкала на игрища и велела без жены не возвращаться, а у него сердце не лежало... Пестрянка даже испугалась тогда: не из-за нее ли Аська не вернулся из Киева? Может, не заставь его мать жениться, он бы приехал той же зимой и теперь жил дома? Иначе зачем пропадает на чужбине? Кто его там в неволе держит?

– Слушай... – сказал Хельги у нее над ухом. – Твой муж нет три лета. Когда нет три лета, он сказывается мертвый.

– Считается?

– Да. Когда муж ушел в море и три года нет, считается, он мертвый. И жена найти другого мужа имеет право.

– Но Аська же не умер! – Пестрянка подняла глаза.

– Где видок, что не умер? – Хельги огляделся. – Ты имеешь право сказать его родичам: его нет, я вольна в себе... – Он отчаянно старался обойтись тем набором славянских слов, который знал. – И взять другой муж.

И пока Пестрянка соображала, о чем таком он говорит, Хельги снова привлек ее к себе и обнял крепче, уже так, как обнимают не просто из доброты. Пестрянка беззвучно ахнула: в мужних женах она пробыла всего дней пять, да и то когда было, сейчас, плотно прижатая к крепкому мужскому телу, ощущая стойкое тепло сквозь слегка влажную сорочку, была потрясена так, как если бы все это было для нее вовсе новостью. Внутри все вспыхнуло и потянулось к этому теплу с такой силой, что Пестрянка сама испугалась.

– Хочешь, я буду твой муж? – шепнул Хельги ей в ухо.

От звука его низкого мягкого голоса с ней делалось что-то такое, будто нечто теплое тает в животе. Этот голос был будто пушистая лапа, что гладит прямо изнутри... Его губы прильнули

⁴ Радость моя (др.-сканд.)

к ее виску; у Пестрянки так сильно застучало сердце, что она опомнилась и отшатнулась. Блуд пугал ее, как смертельная хворь, и вмиг вспыхнувшее влечение казалось предательством собственного тела.

– Ты что это задумал? – возмутилась она. – Ты меня за кого принимаешь? За вдову гулящую? А ну давай мой короб и ступай домой!

– Фастрид, будь спокойный! – Хельги выставил вперед ладони, будто показывая, что в них нет оружия. – Не надо сердитый... Я могу любить тебе вместо твой муж. Если ты хочешь. Если ты не хочешь... пойдём в лес.

Он кивнул на тропу, предлагая следовать прежним путем. Пестрянка с подозрением взглянула на него, все еще хмурясь: не слишком ли беспечно было отправиться в безлюдное место с мужчиной вдвоем? Но как можно было его опасаться – он же родич, Асмундов двоюродный брат!

Хельги жил у них уже почти полгода. Для всей семьи его появление стало большой неожиданностью, а ведь он занимал в роду важное место, оказавшись самым старшим из варягинских мужчин в поколении сыновей, а значит, старшим племянником знаменитого киевского князя Олега Вещего. С маленькой дружиной из десятка датских бродяг он прибыл в Варягино из Хольмгарда в поисках родни своего отца – Вальгарда. Тот был мертв уже два с половиной года, но, разумеется, послать об этом весть в далекий Хедебю никому и в голову не приходило. Даже Торлейв давно позабыл о том, что много лет назад, еще когда они с братом служили в дружине ютландского конунга Кнута, Вальгард водил дружбу с девушкой по имени Льевини. Отец ее торговал железом и по полгода проводил в Свеаланде, а мать любила задавать пиры и слушать рассказы о дальних странствиях. Но в Хедебю младшие братья киевского князя прожили всего пару лет и отправились вслед за ним: в то время Хельги-старший прославился благодаря удачному походу на Константинополь.

О том, что у Льевини уже после их отъезда родился мальчик, Вальгард так никогда и не узнал. А Торлейв узнал о существовании племянника, когда двадцать пять лет спустя перед ним однажды предстал мужчина – и впрямь удивительно похожий на Вальгарда. Надеясь, что сын когда-нибудь найдет свой род, Льевини дала ему имя в честь старшего брата отца – того, о котором Вальгард так много и восторженно говорил в тот год.

– Пять лет назад Кнут конунг потерпел поражение от саксонца Генриха и даже согласился креститься, и жизнь стала скучной, – рассказывал Хельги. – Ни походов, ни сражений, ни добычи. Я хотел пойти во Францию с одним человеком, но мы не поладили. Тогда мне уже пришлось уезжать очень быстро, и я хотел отправиться в Бьёрко, но мой отчим – Гейрфинн Шишка, муж матери, – сказал, что лучше бы мне ехать туда, где мой родной отец. Ты представь, как я удивился! Я думал, моя мать вышла за него вдовой. А оказалось, мой отец ее пережил – но об этом я узнал, когда его уже не было, а я не знал...

О смерти Вальгарда Хельги услышал еще в Ладогe – именно там ему указали путь к последним живым родичам, о которых он знал только, что они «где-то в Гардах».

– Это было как в саге! – увлеченно рассказывал он Торлейву и тем из домочадцев, кто понимал северный язык. – Я сказал королеве Сванхейд, кто я такой, и она сразу ответила: да ты наш родич! Оказывается, моя сводная сестра Эльга замужем за старшим сыном Сванхейд! Представьте, как я обрадовался! Королева так хорошо меня принимала и даже не хотела отпускать. Но я подумал, что мне стоит познакомиться и с более близкой родней, иначе остался бы там до конца зимы.

Торлейв понимал, почему Сванхейд, у которой тогда бы тяжело болен старый муж – весть о смерти Олава пришла уже после приезда Хельги, – хорошо принимала любезного молодого мужчину. И даже почти красивого – если смотреть на него с правой стороны или в полутьме: продолговатое лицо, высокий и широкий лоб, прямые густые брови. Несколько тяжеловесные черты смягчала дружелюбная, открытая улыбка. Хорошего роста и сложения, умный, наблю-

дательный, разговорчивый, уверенный, но не заносчивый, Хельги легко внушал людям привязанность и уважение.

И сам Торлейв, когда прошло первое удивление, обрадовался. С гибели Вальгарда шел третий год, но Торлейв все еще тосковал по брату. Родной сын Вальграда, пусть побочный, плод давно забытого увлечения, однако так похожий на него лицом, показался подарком богов. А к тому же его собственный сын Асмунд уехал в Киев и даже не обещал пока вернуться. Двое младших племянников, Эймунд и Олейв, были еще отроками. В усадьбе казалось пустовато, в делах дружины Торлейву требовался помощник, на которого можно положиться. Поэтому он охотно принял новоявленного родича в семью.

– Здесь у нас славных битв и богатой добычи не будет, – сразу сказал он, – но со временем ты заведешь свой двор, женишься на девушке хорошего рода с приданым, как мы с Вальгардом, и заживешь как состоятельный хёвдинг и уважаемый человек. Боюсь только, после Хедебю не будет ли тебе скучно?

– Нет, не думаю, – Хельги не сводил глаз с Пестрянки, которая, не понимая их разговора, подавала на стол. – А кто эта милая женщина – твоя младшая жена?

Вид ее ясно говорил о принадлежности не к челяди, а к хозяйской семье, но Хельги не видел в доме никого похожего на ее мужа. Пестрянка была не так чтобы красива, но приятна на вид: довольно правильные черты скуластого лица, пушистые на внутреннем конце темно-русые брови, яркие губы, ровные, белые зубы. Высокий и широкий лоб придавал чертам внушительности, и нрава она была скорее сурового, чем резвого. Но, видя, что свекор гостю рад, приветливо улыбалась ему, отчего ее лицо становилось светлым и милым.

Домочадцев у Торлейва осталось не так много, чтобы в них трудно было разобраться, и очень быстро Хельги понял: эта молодая женщина – жена его двоюродного брата Асмунда, который уже давно не показывается в родных краях. Иная уже нашла бы, как утешиться, но Пестрянка не подавала ни малейшего повода в ней усомниться. Даже на Купалии со времени отъезда мужа она выходила с его родителями, смотрела за детьми и отправлялась домой, когда наставляла пора класть их спать. На ней лежала половина обширного варягинского хозяйства, и она так хорошо справлялась, будто родилась воеводшей. И все же Хельги видел, что ее гнетет тоска. Ну не дурак ли его незнакомый брат Асмунд?

* * *

К обиталищу Буры-бабы дорога была неблизкая. Уже давным-давно перевалило за полдень, а двое путников все пробирались через болотистую местность, где Пестрянка находила дорогу по тайным приметам. Эту тропу ей когда-то показала Кресава – на случай, что сама не сможет отлучиться из дома, где кроме них почти не осталось взрослых. Сменяли одна другую болотины, где между кочками блестела вода, поросшие вереском сосновые поляны, ельники. На более высоких открытых местах в траве краснели листья земляники и горели искрами созревшие ягоды; от дождей они стали водянистыми, несладкими и почти расползались в пальцах, тем не менее Хельги накидывался на них с радостной жадностью, будто мальчишка. Пестрянка смеялась, глядя, как он стоит на коленях, кидая ягоды в рот одну за другой, и поневоле завидовала: как же немного иной раз человеку надо! И когда Хельги протянул горсть помятых ягод ей, она взяла их с таким чувством, будто он делится с ней счастьем.

Два раза присаживались отдохнуть, съели напололам горбушку хлеба с куском сала, что Пестрянка взяла из дома себе на дорогу. Два раза принимался дождь, и один раз такой сильный, что пришлось забиться под еловые лапы и переждать. Чтобы не скучать, Хельги рассказывал разные повести о Хедебюе и своих товарищах – этого добра у него был бесконечный запас.

– Миннир мик...⁵ – начинал он по привычке, но потом начинал подбирать славянские слова.

Кое-что из этого Пестрянка уже слышала, но поскольку она тоже не всегда его понимала, то не возражала послушать еще.

Да и лучше пусть он говорит. Стоило ему замолчать, как его мысли начинали просто бить в уши – мысли о том самом, о чем Пестрянка не желала знать. Стоило им замолчать хоть на миг, как она невольно начинала ждать, что вот сейчас рука Хельги сдвинется с места, поднимется и обовьется вокруг ее стана. От этого ожидания занимался дух. И что ей тогда делать? Хватит ли у нее сил высвободиться из блаженства его объятий? Справится ли она, когда даже собственное тело против нее и в животе ноет от желания? Разглядывая траву и свесившиеся ветки, она не смотрела на Хельги, уверенная, что единственный взгляд он поймет как приглашение и тогда уж не станет слушать возражений...

Наконец они вышли на берег ручья. В этом месте у Пестрянки всегда замирало сердце: здесь пролежала известная ей грань того света, и ручей служил ее зримым обозначением. На том берегу темнел ельник. Подлеска почти не было, бурые стволы стояли на ровной земле, усыпанной рыжей хвоей, лишь кое-где торчали пышные хвосты перун-травы. Если приглядеться, вдали за деревьями серело плохо различимое нечто, похожее на бревенчатый тын.

– Давай короб. – Пестрянка остановилась. – Дальше не пойдем, здесь оставим.

Хельги поставил поклажу наземь, и она стала вынимать мешки, туеса и хлебы.

– А где хэксен?

– Там ее двор, отсюда не видно. – Пестрянка кивнула за ручей и понизила голос: – Ближе подходить нельзя, если особого дела нет. Там – Навь. Страна мертвых. У нее вокруг тына на кольях все лбы коровьи и лошадиные. Я сама не видела, мне Ута рассказывала. Постучи по дереву.

Она кивнула на палку, валявшуюся на земле, и показала на поваленное бревно, знаками изобразив, будто бьет одним об другое. Хельги сделал, как она велела: по лесу разнесся глухой стук.

– Она услышит и придет забрать припас. Пойдем.

Хельги медлил, вглядываясь в ельник и явно надеясь повидать загадочную ведьму. Пестрянка взяла его за рукав и потянула:

– Нечего тебе на нее смотреть. Через нее Навь глядит. Зазеваешься – утащит.

Сегодня Пестрянке особенно хотелось уйти отсюда поскорее. Ей вдруг пришло в голову, что если нынешняя Бура-баба умрет, то взамен в избушку с черепами вполне могут отправить ее. Она, конечно, не самая старая в волости и волхованием не занимается, но положение ее как раз подходящее. Ни девка, ни жена, ни вдова – сидит уже три года на меже, ни туда ни сюда.

– А ведь ты правду сказал! – Отойдя шагов на двадцать от ручья, она вдруг обернулась к удивленному Хельги. – Три года! И в сказаниях жена три года ждет, потом опять замуж идет! Пойду на Купалии и другого мужа себе найду!

– А как сделать, чтобы ты нашла меня? – Хельги улыбнулся и посмотрел на нее с ожиданием.

– Никак! – отрезала Пестрянка. – Ты – той же породы, варяжской! Никто из вас не умирает, где родился. Всякого за море будто кто за ворот волочет! Стрый их старший, Хельги тоже, и в Киев уехал, и до Царьграда добрался, теперь всех их туда тянет! Аська уехал, обе сестры его уехали – уж им бы, казалось, куда? А нет, тоже в Киев надо! Придет срок – и ты уедешь! А я опять сиди? Нет, больше я уж такой дурой не буду!

– Фастрид, я...

⁵ Мне вспоминается (др.-сканд.)

– Можешь мне клятву дать, что не уедешь отсюда? – Пестрянка приставила палец к его груди под влажной рубахой, точно клинок.

Хельги улыбнулся, потом покачал головой:

– Нет, не думаю так. Говорят, из Киева многие люди ездят за теплые моря и привозят много добычи. Я тоже хочу туда.

Пестрянка отмахнулась: дескать, иного я и не ждала, – но он перехватил ее руку и прижал к своей груди.

– Но если я поеду в Киев, я тот час возьму тебя с собой. В этом могу тебе поклясться!

– А ты потом за теплые моря соберешься, и я уже в Киеве буду ждать – на другом краю света от дома родного!

– Поедем за теплые моря! – Хельги не видел трудностей. – Если ты не боишься.

Но Пестрянка только отвернулась. Хватит с нее этой породы варяжской!

* * *

Домой они добрались под вечер, но было еще совсем светло: нынешней ночью темнота придет ненадолго. Вдоль реки на высоких местах уже виднелись костры. Сколько ни хмурилась Пестрянка, а и ею против воли овладевал дух свободы и веселья, присущих юности. Даже ударились в мечты по дороге: вот была бы она девка с косой, а не баба с дитем... Как весело было бы плясать, поглядывая на нарядных парней и ожидая счастливых перемен уже вот-вот, прямо сейчас...

Вот, как эти, выбутские девки, что гурьбой валят навстречу – в беленых сорочках с красными поясками, с пышными венками. Горлица, Ярогина дочь, со смехом надела венки на голову Хельги, для чего ей пришлось подпрыгнуть; он тут же поймал ее, оторвал от земли и поцеловал, будто бы в благодарность. Девки со смехом убежали, а Пестрянка нахмурилась было, но одернула себя и постаралась разгладить нахмуренные брови. Ей-то какое дело? На то они и девки, им воля.

– Смотри, там чужая скута, – Хельги, уже не улыбаясь, вглядывался вперед и держал венки в руке, чтобы не заслонял глаза.

– Лодка? – Пестрянка тоже посмотрела на реку.

У причала Варягина и впрямь стояла большая лодья, незнакомая. Парус был свернут, весла сложены, внутри никакой поклажи – хозяева явно не собирались дальше вниз по реке, в сам Плесков, путь куда прикрывала варяжская застава. Чужие лоды здесь были не редкость: воеводская дружина тем и занималась, что переправляла суда и грузы через брод. Но кого это понесло под самую купальскую ночь?

– На гулянье, что ли? – удивилась Пестрянка. – Кому бы?

Окрестные жители на игрища прибывали в челнах и оставляли их на отмели, где они никому не мешали.

Но большого значения она этому не придавала: мало ли тут ездит всяких? Для того и река.

– Пойдем в дом, – Пестрянка остановила Хельги, который хотел вручить ей пустой короб и свернуть к дружинной избе. – Ваши уже поели, а ты весь день голодный ходишь, я тебе найду что-нибудь.

– Ты такая добрая! – с искренним чувством ответил Хельги.

Пестрянка толкнула дверь, прошла в избу, разогнулась... и обнаружила, что внутри полно народу. Но не похоже, чтобы здесь плели купальские венки: собрались все самые старшие и важные из домочадцев и даже выбутской родни. Сам воевода Торлейв, его жена, отец Кресавы – дед Доброзор с двумя сыновьями, старшие оружники. А у стола напротив хозяина сидел русобородый мужчина средних лет, одетый в непривычную свиту, совсем не славянского покроя – с широкими полами, с отворотами яркого красного шелка и с тонкими полосками

такого же шелка, нашитыми поперек груди. На скрип двери все обернулись; Пестрянка вспомнила чужую лодью.

– Идите скорее! – воскликнула Доброзоровна. – Тут новости у нас! Из Киева люди приехали!

Пестрянку бросило в жар; от неожиданности она пошатнулась, Хельги сзади придержал ее за пояс.

– Из Киева! – Она справилась с собой и прошла вперед, вовсе глаза глядя на русобородого в чудном кафтане.

На опечаленную свекровь никак не походила, скорее, была взбудоражена; лица остальных тоже отражали волнение, хотя и не без оттенка тревоги. Значит, никто не умер... Асмунд... Это от него! Ради чего он прислал отдельного гонца, когда поклоны и подарки ежегодно передает с купцами?

Неужели вспомнил о ней?

– Это сноха моя, Асмунда жена, – пояснил русобородому Торлейв. – А вон тот молодец – братанич мой из Хедебю, Хельги.

Он говорил по-славянски, значит, гость их не был варягом.

– Стало быть, и их тоже поздравим! – Русобородый встал и учтиво поклонился. – От мужей киевских и дружины родичам князя русского Ингвара и княгини Эльги наше уважение приносим!

– Зять Ингвар теперь князь в Киеве! – пояснил изумленной Пестрянке Торлейв. – А Эльга наша – княгиня русская. Кто бы подумать мог...

– Во сне не увидеть... – подхватила Кресава и отчего-то заплакала.

– Как это? – выговорила Пестрянка, зная, что ее золовка Эльга живет в Киеве всего лишь женой заложника, отданного князю Олегу Предславичу ради мира между киевской русью и волховской. – Там что... все умерли?

Но сообразила, что и это не объяснение.

– Русь... назвала Ингвара князем своим, – Торлейв развел руками. – Эльга наша – племянница Хельги его ближайшая наследница, так выходит.

– Где же князь тамошний?

– Восвояси уехал, в Мораву, – ответил гость. – И жену с сыном увез.

– А что же... с мужем моим? – Пестрянка вопросительно глянула на свекра.

– Теперь наш Асмунд – брат княгини киевской! – Судя по ошарашенному виду, Торлейв и сам с трудом верил своим словам. – Воеводой, глядишь, станет. И во сне такого не снилось!

– Отчего? – подал голос Хельги. – Отчего не снилось? Ты, Торлейв, половину жизни был родным братом киевского князя, почему теперь удивляешься? Мы – родичи Хельги конунга, знаменитого от Йотунхейма до Серкланда своей доблестью и мудростью. Моя сестра Эльга, мой брат Асмунд, я, младшие братья – мы все того же славного рода. И нет дива, если наша кровь несет нам удачу, честь и славу.

– Да уж, ты... как будто знал! – с недоумением рассмеялся Торлейв. – Ехал – был никому неведом, а теперь киевской княгини брат!

– Нет дива! – Хельги вновь покачал головой. – У нашего рода есть удача. А удача ведет человека туда, где ему надо быть, и всегда знает это место раньше, чем он сам!

– Погодите! – Пестрянка протянула к свекру сжатые руки. – У меня голова кругом... простите бабу, не пойму я никак... Значит, мой муж... Он придет? Вы говорили, он должен сестер оберегать, раз их в залоге держат. А теперь, когда Эльга – княгиня, ее же оберегать больше не надо? Он вернется теперь?

Киевлянин ухмыльнулся. Торлейв через голову Пестрянки переглянулся с Хельги у нее за спиной. Им-то было ясно, как она ошибается. Даже Кресава горестно покачала головой.

– Нет? – прошептала Пестрянка.

И сама сообразила, что все прочие смотрят на дело совсем с другой стороны. Какой дурак покинет сестру, которая стала княгиней руси в Киеве?

* * *

Купальский вечер для Пестрянки прошел как в тумане. Она отправилась со всеми – как не пойти, нельзя! – но заботило ее лишь то, чтобы не заплакать у всех на глазах.

Когда бабы, оплавав покойника Ярилу, с визгом кинулись драть свитое из травяных жгутов тело, Пестрянка устремила вперед и растолкала даже тех, кто крупнее. Не боясь порезать руки, она дергала и рвала пучки травы и визжала, будто оскорбленная навка. Она сама не знала, кого ненавидит: того светловолосого парня, который выбрал ее три года назад, или судьбу свою злосчастную, но ярость и гнев требовали выхода. А когда пучки растерзанного чучела полетели в реку, она разрыдалась, прижав к лицу саднящие ладони, и никак не могла перестать.

– Глэди мин... – Кто-то обнял ее за плечи и настойчиво потащил прочь от реки. – Хварт грэтр ту ну? Гакк мед мер⁶.

Хельги еще что-то говорил, перейдя от волнения на родной язык, но Пестрянка все равно не слушала. Чужие голоса отодвинулись: он увел ее на дальний край луга, к зарослям.

– Да если бы он и правда умер... – бормотала Пестрянка, икая от слез, – я бы оплакала и за другого... пошла. А так... я только плачу и плачу... а идти не могу... куда я пойду? Не отпустят... дите у меня...

– Грата икке... не надо плачь... – краем ладони Хельги со всей осторожностью стирал слезы с ее щек.

Пестрянка села на влажную траву, собрав под себя толстые полотнища поневы, сбросила с головы помятый венок и стала сердито вытирать лицо подолом сорочки. Нынешний день разбил все ее и без того уже почти исчахшие надежды: став братом княгини, муж не вернется из Киева, но и глупые мечты найти другого развеялись дымом. Торлейв не отпустит невестку из дома и уж тем более не отдаст в чужие люди внука – единственного, кто появился на свет в родных краях. Киевлянин Добылют рассказал, что Ута за эти три года родила двоих – сына и дочку, – но их Торлейв никогда не видел. Пестренец же был первенцем его первенца по мужской ветви, будущим главой рода, прямым наследником – куда же он его отпустит? А уйти без ребенка Пестрянке даже в голову не пришло бы. И сейчас, пока она глядела из тьмы на пламя костров и движение белых сорочек, сердце ее разрывалось от тоски и безысходности. Мелькала мысль – да пусть бы муж умер! – но она с усилием гнала ее прочь. Накличешь еще, в эту ночь боги даже мысли слышат.

Хельги прилег рядом на траву и положил голову ей на колени. Не выспавшись прошлой ночью, он уже едва стоял на ногах. Почувствовав тяжесть там, где привыкла ощущать ребенка, Пестрянка опустила руки и стала почти безотчетно поглаживать его по длинным спутанным волосам, выбирая застрявшие травинки. И ей стало полегче – некая глубинная память всегда говорит нам, что пока рядом есть другое теплое тело, все не может быть совсем уж худо. Только когда Хельги поймал ее ладонь и просунул под ворот сорочки к себе на грудь, она опомнилась и отняла руку.

– Вставай! – вздохнула она. – Ишь, разлегся. Пойду я домой, там дитя с одной Прострелихой...

– Не надо домой? – удерживая ее руку, Хельги посмотрел на нее снизу вверх. – Сдесь хорошо...

Пестрянка только вздохнула. Не то чтобы ей хотелось домой – там не станет легче. Но и здесь, среди общего веселья, утешиться нечем.

⁶ Ты плачешь? Пойдем со мной (др.-сканд.)

Унылое будущее громоздилось перед ней огромным черным камнем. Ни справа его не обойти, ни слева, ни через верх перелезть.

* * *

Послезавтра, когда все отоспались и пришли в себя, Торлейв с самого утра велел спускать собственную лодью и вместе с Добылютом отправился в Плесков. Князю северных кривичей Воиславу Судогостичу пора было узнать, что его родная племянница Эльга стала княгиней руси в полянском стольном городе Киеве. Хельги отправился с ним – на этот раз с расчесанными и заплетенными в косу волосами, одетый в хорошую чистую одежду: льняную сорочку и синий шерстяной кюртиль, привезенный из Хедебю. Весь дом не отпускало лихорадочное оживление. Киев был настолько далеко, что никто толком не знал, какие выгоды принесет внезапное обретение власти там близкой родней, но всем казалось, что жизнь уже очень скоро должна измениться к лучшему. До этого киевским князем был внучатый племянник Торлейва, Олег Предславич, но его здесь совсем не знали. А теперь у власти оказалась Эльга – та, что родилась и выросла здесь; та, с которой сама Пестрянка не раз весной ходила в девичьих кругах, а зимой сидела на павечерницах в Выбутах.

Но Пестрянка-то никакого счастья себе от этого события не ждала, а напротив, досадовала. «Прямо им теперь счастье с неба повалится! – сердито думала она, пока месила тесто. – Скатерть-самобранку привезут!»

Особенно волновались женщины.

– Я поеду в Киев! – стонала Володея, старшая из двух золовок. – Правда поеду!

Еще год назад князю Воиславу и воеводе Торлейву привезли предложение тогдашнего киевского князя Олега Предславича – посватать одну из младших сестер Эльги за Грозничара, сына заднепровского воеводы Чернигостя. Дочери покойного Вальгарда, хоть и жили в далеком лесном краю, тем не менее состояли в ближайшем родстве с Олегом Вещим и потому считались очень ценными невестами. Добылют, которого Эльга и Ингвар отрядили с важной новостью к плесковской родне, передал их уверение, что сговор остается в силе и Чернигость готовит свадьбу сына нынешней осенью. И вот Володее, миловидной девушке с круглым лицом и широко расставленными голубыми глазами, пришла пора собираться в дорогу.

Ее сестра Берислава, на год младше, сидела рядом и волновалась не менее. За всю жизнь они не разлучались ни разу и теперь с трудом могли уложить в головах, что с этого лета их дороги расходятся, чтобы никогда более не сойтись вновь. Володея уезжала слишком далеко, чтобы можно было хоть иногда навещать родню.

– Поедешь... – ворчала Пестрянка и сама себе казалась старой злонравной бабкой. – Там вон вупыри по дворам шастают, заедят еще совсем!

Вчера Добылют и его дружина весь день развлекали хозяев рассказами о киевских делах. Звучало это как сказка для посиделок: как объявился в Киеве вупырь – чужеземный волхв, – сперва кур воровал и им головы откусывал, потом заел челядина одного, а потом на саму воеводшу Уту напал на собственном же ее дворе! Кресава едва себя помнила от жуты – родную ее дочь едва не заели! Киевляне уверяли, что с Утой ничего худого не случилось, ее спасли вовремя. Зато на другой день в Киеве разыгрались весьма устрашающие события: вупыря убили, его покровитель, старый моравский князь Предслав, тоже едва не погиб, а сына Предслава, киевского князя Олега, народ сверг со стола.

С трудом верилось, что в сказке этой говорится не о каких-то неведомых молодцах и девицах, что в самой сердцевине событий находятся свои же ближайшие родичи: Ута, Эльга и их мужья. Но все кончилось, как и положено, хорошо: чудовище погибло, княжий стол освободился и его заняли победители. Возясь с тестом, Пестрянка поглядывала на сына, ползающего по полу с берестяной погремушкой и деревянным петушком, и думала: теперь и он –

родич киевского князя. Двоюродный племянник русской княгини. Случившееся в далеком Киеве многое изменило и для ее ребенка. Главное, чего ей теперь следует добиваться, чтобы ее сын не остался сидеть у порога в чужом пиру. У него даже имени настоящего нет, будто у приبلудного какого!

Мужчины вернулись только поздно вечером, очень усталые. Но совсем не пьяные, вопреки ожиданиям хозяек.

– Что вы там, упировались на радостях? – воскликнула Кресава, когда наконец отворилась дверь и Торлейв вошел в избу.

– Какое! – Тот махнул рукой. Вслед за ним вошел Хельги и сел у двери. – Сидели толковали. С выбутскими и с плесковскими.

– О чем толковали-то весь день?

– У нас был договор с князем Олегом, – стал объяснять Торлейв, сев у стола, но от еды и питья отказавшись. – Князь Олег был внук брата Хельги, нам с Вальгардом – внучатый племянник. А плесковским князьям – сватом. А теперь что?

– Власть в Кенугарде ушла от нашего рода к роду Олава из Хольмгарда! – подал голос Хельги.

Привычная улыбка с его лица исчезла, оно стало настолько жестким, что Пестрянка раскрыла глаза: так непохож он стал на того человека, которого она привыкла считать кем-то вроде огромного, добродушного и к тому же говорящего пса. Сейчас он рассуждал на северном языке, и она почти ничего не понимала, и от этого еще сильнее казалось, что перед ней какой-то другой мужчина.

– Мой дядя Хельги завоевал ту страну, где Кенугард, и много других стран, а теперь его владения попали в руки сыну Олава. Мы не должны этого так оставлять!

– Ты что же это – воевать предлагаешь? – недоверчиво спросила Кресава: дескать, вот еще не хватало. Она за двадцать лет замужества выучилась разбирать северную речь.

– И об этом был разговор, – кивнул Торлейв. – Будь Ингвар на ком другом женат – пришлось бы воевать.

– Сначала захватить Хольмгард и другие владения их родни на севере, а оттуда уже вести переговоры с Ингваром в Кенугарде, – уверенно подхватил Хельги. – Мы нашли бы союзников среди конунгов, живущих между Хольмгардом и Кенугардом, и тогда Ингвар не смог бы соединить все свои силы.

– Да не пугай баб! – махнул на него рукой Торлейв. – Добылют же сказал: Ингвара потому люди киевские признали, что у него жена – племянница Олега Вещего. То есть наша Эльга. Его право на ней одной держится. А стало быть, воевать с ним ни к чему, а вот новый уговор заключить, чтобы нашего рода чести не уронить – это дело доброе и нужное. Плесковские-то ведь тоже рады! – Он подался ближе к замершим женщинам, что изо всех сил пытались уложить в голове все эти вещи, о которых им никогда не приходилось думать. – Теперь плесковские князья с киевскими – одна семья, не на словах, а на деле! Вот и толковали, как своего не упустить.

– И до чего дотолковались? – спросила Пестрянка, видя, что Кресава молчит.

– Будем в Киев посольство снаряжать. С князем Ингваром ряд заключать новый, чтобы нашего рода права не пострадали. И Володею отвезем заодно.

– Кто же поедет? – спросила Доброзоровна.

– Мне не миновать ехать, – вздохнул Торлейв. – Я Эльге ближайший старший родич, без меня никак.

– Ох, отец! – Кресава, которой не хотелось отпускать мужа на полгода, покачала головой. – Может, вон... – Она кивнула на Хельги.

И не успела Пестрянка огорчиться, как тот сказал:

– Я и так поеду. Кенугард – то место, где можно делать большие дела, и глупо было бы упустить случай, если вдруг я стал братом тамошней королевы! И я не позволю ее мужу утеснить в правах наследников нашего рода!

Он как будто проснулся – или увидел дело, на котором стоило сосредоточиться. Куда девалась размытая, лениво-доброжелательная улыбка? Пестрянка очень плохо помнила воеводу Вальгарда и вовсе никогда не видела Олега Вещего, но сейчас Хельги выглядел достойным родичем таких прославленных людей.

– А чадо мое! – Этого Пестрянка уже не снесла и выскочила от печи к столу. – Он теперь тоже княгине братанич! Что же, вы все уедете, а нас здесь бросите?

– Отец, заберите ее с собой! – вдруг воскликнула Кресава. – И неохота мне одной в доме оставаться, без помощницы толковой, но нет сил больше смотреть, как молодая баба мается! Поезжайте, отвезите ее к Аське! Жена ведь! Коли не думает возвращаться, пусть уж и они с дитем при нем будут!

Ошеломленная Пестрянка застыла с открытым ртом. Не знала даже, что подумать. Мысль самой поехать в Киев едва ли когда приходила ей в голову – а если и приходила, то была изгнана как несбыточная.

Подумать только! Киев, Полянская земля – это же другой край света! Что за народы там живут? Иное дело – мужчины, они ездят и дальше, даже за море... Хотя и до моря отсюда ближе, чем до Киева. А женщины пускаются в такой путь один раз в жизни – как Эльга и Ута, чтобы выйти замуж. И то лишь самые знатные, чей брак важен для мира меж племенами и безопасности дальних торговых путей. Куда ей-то, внучке деда Чернобуда, дочери Пестряка? Таким, как она, судьба недалекий путь кажет – только реку переехать.

Но ведь там, в Киеве, живет ее муж. Вместе с мужьями женщины порой отправляются в очень дальние путешествия. Приехала же сюда, к кривичам, плесковская воеводша Бурлива из страны свеев. Так чем она, Пестрянка, хуже?

– Ну, может, оно и стоило бы... – произнес Торлейв. – Жаль нам будет с внучком расставаться... да что поделать! Я все ждал, Аська вернется, а теперь ждать нечего, так пусть и семья при нем будет. Он и годами не отрок, а теперь – княгини брат, большим воеводой станет. Пусть обживается, свой двор заводит. Хозяйка пригодится.

– Будь смелый, Фастрид, – Хельги улыбнулся Пестрянке. – Ты теперь тоже королевского рода.

Глава 3

Киев, 1-е лето Ингварово

– Асмунд! – говорил Ингвар, положив обе руки шурину на плечи и глядя будто сверху вниз, хотя был ниже ростом. – Я ведь могу тебе доверять? Могу на тебя положиться?

Асмунд не знал, что ответить. Зачем он спрашивает? Зачем второй зять, Мистина Свенельдич, смотрит на него так пристально? Эти двое были мужьями двух сестер Асмунда и отцами уже троих его племянников. Мог ли он предать родную кровь?

– Пойми, брат: сейчас время такое, что мне нужна вся твоя отвага и верность, – продолжал Ингвар. – Не подведи меня. За нами вся русь. Судьба у нас общая, и другой не будет.

– И никого другого у нас нет, – добавил Мистина. – Будем справляться сами, понимаешь?

Сейчас он не улыбался, вид имел суровый и немного напряженный. И Асмунд понимал это как знак доверия: его не считали одним из тех дурней, кого надо постоянно подбадривать улыбками до ушей.

Асмунд снова вспомнил стряя Вальгарда, погибшего у него на глазах. Княжеская семья, оказавшаяся в Киеве у власти, была небогата на старшее поколение. У княжеской четы из четверых родителей имелась в живых лишь королева Сванхейд, мать Ингвара, и та за пару месяцев пути отсюда. Так же далеко жил и Торлейв, отец Уты и Асмунда. Лишь отец Мистины, воевода Свенельд, единственный находился в Киеве.

Асмунду исполнилось двадцать лет, его князю – двадцать один. Но выше них оставались только боги, а внизу лежала вся Русская земля и ждала, что они не подведут.

Когда после изгнания из Киева Олега Предславича и вокняжения Ингвара стали рассылать посольства, отрядить в одно из наиважнейших мест – в Царьград – оказалось больше некого. В дружине имелись люди, способные исправлять посольскую должность, но возглавить их надлежало кому-то из родичей князя: как-никак, к василевсам ехать, не в чащобу какую. У Ингвара имелись два родных брата, живших с матерью в Хольмгарде, но даже второй по очереди за ним, Тородд, был не старше Асмунда, а к тому же никогда не бывал в Киеве и совсем не знал здешних дел. Больше всего Ингвар доверял Мистине, но того он отправлял к королеве Сванхейд – при всей важности дружбы с греками благословение матери все же было ему важнее, и как сыну, и как русскому князю. Асмунд не так чтобы считал себя подходящим человеком для заморских переговоров: он был неглуп и достаточно сведущ для своих лет, но в основном в дружинных делах. Но станешь подходящим, когда переложить не на кого. Поэтому когда на очередном совете в старой Олеговой гриднице зять Ингвар спросил его: «Поедешь в Царьград?», он спокойно кивнул: «Прикажешь – поеду».

В дружину ему Ингвар дал Кольбрана и Вефаста, людей опытных и умных. Кольбран приходился родным внуком Карлу – ближайшему соратнику Олега Вещего, дважды возглавлявшему посольство к грекам. Сам Кольбран в то время, около тридцати лет назад, был еще ребенком, но потом много слышал от деда о Греческом царстве и его обычаях.

Сопровождали их трое купцов: Альвард, Ингивальд, Вермунд. В этот раз им было нечем торговать, но зато они знали и пути, и греческие порядки, и язык. Из знатоков посольского обычая в Киеве оставались трое участников посольства Олега Вещего, старики – Стемид, Лидульв и Руалд. Всем троим было уже не по силам совершить такое путешествие – Лидульв вовсе, считай, со скамьи не вставал и даже перейти к столу на опухших ногах ему было трудно, Руалд совершенно оглох, так что разговаривать с ним стало невозможно. Более-менее в уме и в силах оставался Стемид – в Олеговы времена он был совсем молодым парнем и служил послам переводчиком. Пока новому посольству готовили лоды, Асмунд подолгу расспрашивал его и Лидульва, стараясь вывести как можно больше.

– Договоры так сразу не заключаются, – рассказывал Стемид. – Вы поедете только объявить, что у руси князь ныне другой и что ему новый договор требуется. Они скажут: пусть на новое лето приезжают послы. Тогда будут ждать, и на другой раз поедут люди от князя толковать о статьях. Первое, значит, что хотим в дружбе жить, торговать честно. А потом уже всякое дело по отдельности: как быть, если между греками и русами случится убийство, побои, воровство, если кто в долг возьмет и не отдаст, если умрет на чужбине, если корабль с товарами на берег выбросит – и прочее.

– Самое лучшее – просто подтвердить Олегов договор, – сказал Ингвар.

– Это да, – Стемид прокашлялся, – но надежды, княже, мало.

– Но с Предславичем же подтвердили!

– В то лето греки едва с Болгарским царством замирились, а перед тем триста лет с ним воевали. Болгарский кесарь, Симеон, к самому Царьграду подступал и сам едва на василевсов престол не уселся. Грекам тогда передышку выиграть было важнее всего, вот и не стали новую кашу заваривать, когда старую едва расхлебали. С тех пор двенадцать лет прошло. У них война, я так слышал, только с сарацинами теперь, ну да это им дело привычное. Мне мнится, греки сами к нам послов пришлют, на другое лето...

– Но это три года выходит, йотуна мать! – Ингвар ударил себя кулаком по колену.

– У них так водится, княже! Им спешить некуда, их царство тысячу лет стоит.

Ингвар стиснул зубы и сердито выдохнул. Он был молод, и его держава была не просто молода – она пребывала еще в пеленах, да и то в кольчужных. Поколениями в ней правили воины, которые помнят, что надежды на долгую жизнь у них мало, и потому не могут ничего откладывать. Они привыкли смотреть на полгода вперед: летом – поход, зимой – полудье. Всякое выступление из дома уже скоро должно принести плоды в виде серебра, шелков и рабов – или же ты умрешь и переселишься в Валгаллу. К тому, что придется три года ездить через море туда-сюда и разговаривать, чтобы лишь потом получить возможность торговать, они не были готовы, и эта тягомотина гридей бесила.

– Княже, давай лодьи снаряжать! – то и дело кричали отроки на пирах в честь вокняжения Ингвара. Ради этой надежды они и поддержали его. – Чтобы с мечом пойти и добычу взять, договора не нужно!

– Успеем, братья! – отвечал Ингвар. Молодой, не слишком крупного сложения, с простым лицом, он ничем не выделялся в рядах дружины, но сейчас, когда он сидел на резном Олеговом престоле, его юное лицо выражало суровую решимость не отступить с избранного пути. – Но я не для того за этот престол бился, чтобы посидеть да соскочить! Я хочу мой род утвердить в Киеве, хочу державу еще больше той, что Олег Вещий нам оставил. А для того укрепиться надо. Вы бы, упыри, хотели по греческому берегу пробежаться, серебра, портов цветных да девок похватать, на лодьи и домой! Да, Сигге? А кого убьют – тому судьба в Валгаллу. И горя вам нет! Да я – другое дело! Князь я! Пойду сейчас в поход, убьют меня – и что? Олежка с Моравы воротится? Нет, шалишь! Мы сперва прочно сядем, власть свою во всех землях утвердим, серебра, оружия накопим, дружину большую наберем и снарядим. Вот тогда пойдем – не за портами ношенными, а за победой и славой истинной, неотделимой. Будем не грабить греков, а дань брать, как с северян, древлян и прочих. Это иное дело. Дань дают тому, за кем сила и почет. Того мне и надо.

– То есть портов побольше возьмем? – смеялись гриди. – Поновее!

– Ты, сдается мне, возмечтал о мирной жизни! – прищурившись, смотрел на князя Сигге Сакс. – Хочешь, чтобы все твои люди засели дома с бабами – потому и раздал им своих, которые лишние? Может, еще предложишь нам убрать мечи подальше и плести горшки? Я тебе не горшкоплет! Я викинг. Я могу взять дружину и пойти ограбить кого-нибудь. Или прикрыть, чтобы кто другой не ограбил. Это я могу. А плести горшки, месить тесто, красить тряпки, резать кости, выпаривать мочу – это пусть смерды делают.

Многие в гриднице встречали такие речи дружным ревом в знак поддержки. Для русов все было просто: им нужна слава и добыча, прежний князь был слишком робок для войны, и они нашли себе нового. Сам Ингвар не слишком давно думал так же, как Сигте. Но, став князем, довольно быстро кое-что понял.

– Осядь, Сакс! – велел Свенельд. – И ты закрой рот, Балли. Твоим лбом можно проломить ворота, но для думанья нужен кто-то поумнее. Олег Вещий был умнее десятерых таких, как ты, поэтому выбрал Киев и прочно засел здесь. Отсюда открыты пути во все стороны света, можно торговать или воевать по своему желанию, а не по повелению кого-то другого. Сначала мы укрепимся здесь как следует, а потом будем выбирать себе любую добычу, какую захотим. Чем больше мы соберем дани со славян, тем больше серебра вырчим; чем больше хороших мечей, кольчуг и шлемов сможем купить, и тем сильнее будет наше войско. Это ясно, орлы?

Орлы кричали, что им все ясно. Свенельд умел растолковать нужное на понятном гридбе языке. То, что Ингвар говорил об утверждении державы, понимали далеко не все, да и сам он представлял это довольно смутно. Ему Киев виделся крепостью на горах, чем-то вроде земного Асгарда, где можно засесть с большой, хорошо вооруженной дружиной и повелевать окрестными землями, то есть брать с них разнообразную дань. Зерно, мед, съестные припасы, льняное и шерстяное полотно на одежду и паруса. Рабы и рабыни, скот, кони. Меха, тот же мед, воск, чтобы продавать за серебро грекам, сарацинам и прочим. Ходить в походы на еще не покоренные земли, захватывать полон, продавать и снова брать дань. Так он понимал власть, и в мечтах ее расширение виделось ему бесконечным. Его северные предки – Харальд Боезуб, Ивар Широкие Объятия – владели всеми землями, названия которых были ему известны. К тому же стремились иные из тех, кто топтал землю ныне. Хальвдан Черный подчинял себе один фюльк Северного Пути за другим, и поговаривали, будто он хочет владеть всем им один. В Ютландии Кнютлинги истребили и вытеснили уже несколько королевских родов – в том числе ту ветвь Скьельдунгов, к которой принадлежал Олег Вещий и его братья. Здесь, на берегах славянских рек, сам Вещий оказался сильнее других вождей. Теперь его достояние перешло в руки Ингвара, и он был полон решимости доказать, что тоже не даром ведет свой род от Одина.

У Стемида хранился старый Олегов договор с греками: два пергаментных листа, свернутые в трубку, помятые и потрепанные, через несколько рук перешли к нему после смерти старого князя Предслава. Отец Олега-младшего хранил договор у себя, поскольку был одним из немногих, способных его прочитать: и моравские письма, коими записывалась речь на славянском языке, и греческие. В юности Стемид научился тому и другому за то немалое время, что Олегово посольство прожило в Царьграде. Но с тех пор ему почти не случалось ничего читать, и теперь понадобилась помощь всех старых гридей и Олеговых бояр, чтобы восстановить содержание и вспомнить буквы. Купцы, которым постоянно приходилось иметь дело с греками и разрешать всяческие нелады, помнили статьи договора на память, но никто, кроме Стемида, не мог указать, где на листе записано насчет убийств или наследства умерших. Греки ведь лукавы: скажут, что не было такого, и придется доказывать!

Обучаться чтению у Асмунда не было времени. Он просто запомнил, по указке Стемида, в какой статье о чем говорится. Обсуждать это с греками ему, скорее всего, не придется, но так он себя чувствовал хоть сколько-то послом, а не просто раззявой с выселок.

Киев они покинули вместе с Ранди Вороном и его людьми, ехавшими в хазарский Самкрай – торговые ворота каганата. Ингвар с большой дружиной проводил их до порогов. Опасность столкнуться с печенегами сохранялась и дальше – до границ Болгарского царства на западном берегу Греческого моря, – но на более долгий срок Ингвар не мог оставить едва успокоившийся после переворота Киев.

В устье Днепра дороги разошлись: Ранди ушел на юго-восток вдоль побережья Таврии, Асмунд – на запад. Три лоды, по двадцать гребцов на каждой, благополучно преодолели путь: в летнюю пору Греческое море было спокойным, и течение вдоль берега несло их в нужном

направлении. Купцы говорили, что на обратном пути все будет наоборот, но так далеко в будущее Асмунд сейчас не заглядывал. Он чувствовал себя тем молодцем из сказания, что лезет по бобовому стеблю на небеса: сперва до одного, потом еще выше, и еще...

И само царство Болгарское – шелковисто-синее море, беловато-серые скалы, пологие горы, тоже синие чуть в прозелень – было так непохоже на его родной край и даже на землю Полянскую, что он не стал бы ручаться, что все еще на привычном свете. По склонам гор желтели соломенные кровли, а потом берег резко обрывался в море. Особенно сбивало с толку само море: оно расстилалось за левым бортом skutara и уходило в бесконечность. Со стороны отца потомок викингов, Асмунд по рождению был лесным человеком и северного моря своих предков никогда не видел. Греческое море – то синее, то голубое, то смарагдовое, как глаза сестры Эльги, – в своей беспредельности казалось ему гранью того света.

– Нет, оно велико, но не беспредельно, – рассказывал ему Вермунд, купец средних лет и опытный путешественник. – На восточном берегу, за Таврией, лежит Хазария. Я не раз там бывал, хотя товары возить в греки выгоднее. Если у Ранди Ворона все сладится и он договорится с тудуном Самкрая, через год-другой и ты сможешь там побывать. Многие русы ездили и дальше. Если пересечь каганат от Самкрая на восток по суше или пройти по рекам, то будет Гурганское море, а за ним – страна сарацинов, Серкланд.

Асмунд пытался представить эти земли, и от их неоглядности кружилась голова. Слушать сказы о далеких землях, сидя дома, в Варягине над бродом, было легче: ну, Золотое царство на третьем небе, или Серкланд, какая разница? Здесь же, на болгарском берегу, он уже точно знал: и Царьград, и Гурганское море существуют на самом деле. Туда можно проникнуть безо всякого волхования. И от этого захватывало дух.

Но вот миновали Болгарское царство. В городе под названием Мидия начиналось царство Греческое, и здесь Асмунд впервые выступил как киевский посол: объявил о себе местному воеводе-турмарху. Греки еще не знали о смене власти в Киеве и удивлялись, почему не идет ежегодный торговый обоз.

В Мидии пришлось задержаться.

– А грамоты у вас есть? – спросил турмарх, по имени Прокопий.

Он носил титул спафария, что означало «меченосец», и действительно опирался на меч, когда принимал русов, сидя на каменном стуле в просторном каменном доме. Его стены были красиво выложены из чередующихся слоев красного кирпича и белого известняка.

В большие окна, каждое размером с дверь, влетали порывы теплого ветра с запахом незнакомых цветов.

– Есть. – Асмунд подал ему свернутый лист пергамента.

Как быть с грамотами – этот вопрос и самого Ингвара ставил в тупик. Что писать? На чем писать? Олег Предславич держал для этого ученых людей из числа христиан своей дружины, но они уехали из Киева вместе с ним. В старых Олеговых ларях, которые разбирали для дележа имущества между Предславичем и Ингваром, нашли несколько потрепанных стопок пергаментных листов. Их привезли когда-то с Босфора в числе прочей добычи: дорогие золоченые оклады ободрали и сделали из них подвески к ожерелью для Венцеславы Олеговны, а листы, которым не могли придумать никакого применения, бросили и забыли. Теперь Ингвар велел Стемиду их забрать: не сгодятся ли? Тот помял пергамент и кивнул. Долго скоблил ножичком, убирая старые записи.

– А что здесь? – спрашивал Асмунд, которому вид этих черных значков внушал любопытство и опасение. – Может, важное что?

– Да тут по-моравски... Не по-гречески, – Стемид вглядывался в строки. – От болгар добыли.

– Что там сказано?

– «Послушание Израилю... – нахмурясь, с трудом разбирал Стемид. – Г... Б... Это «Господь Бог твой един есть»!

– Какой – господь бог един?

– Ну, их болгарский бог. «Идите в... идите видите яко я... здесь... ни... есть... образ...» Тьфу! – Он отмахнулся и потер глаза рукой. – Не разберу.

Черные значки выглядели так значительно, казалось, в них должна заключаться какая-то особенная мудрость, а что на самом деле? «Идите, видите»! Куда идти, чего видеть?

– Ну-ка... – Стемид скользнул взглядом к середине листа. – Идаи... Идаинамразум... На морозом?

– Иди на мороз?

– «И дай нам разум», вот! «Да увемы... и...стова... го... ба...» Это не «ба», а «бога», но что это за «стова» – не пойму.

– «Дай нам разум» – это хорошо, – вздохнул Асмунд. – Пару коробов не помешало бы про запас...

Вот ведь наука – вроде ни мечом, ни топором махать не надо, щит не нужен, сидишь на месте – а устал, будто полдня с отроками по двору прыгал.

Стемид скоблил усердно, но осторожно, стараясь не протереть старую кожу насквозь.

Потом, сидя в гриднице с дружиной, стали сочинять послание. Очень скоро все вспотели и разозлились, несмотря на пиво, которое подносила Эльга и ее служанки. Начали бодро:

– «Мы от рода русского, – медленно, подбирая каждую букву, царапал Стемид на восковой дощечке, какими пользуются купцы при учете товаров, поскольку пергаментный лист заготовил только один. – Асмунд, Вефаст, Кольбран, посланные от Ингвара, великого князя русского, к вам...»

На этом застряли. Во времена Олега в Царьграде правили двое: братья Лев и Александр. Но с тех пор прошло двадцать семь лет, старые василевсы померли, на их места сели новые. Купцы знали имена нынешних царей, но заспорили, кто главный: Роман или Константин?

– Константин – сын того Льва, что при Олеге был! – припомнил молодой купец Аудун. – И он царем стал давным-давно, как отец его помер. А Роман – это тесть его.

– Так если тесть, он здесь при чем? – не понимал Ингвар.

– Он такой тесть, что вместо отца, зовется «василеопатор», что значит, «царев отец». И в договорах его надо писать первым!

– А у того Романа своих сыновей целая скамья, и все царского звания! – подхватил другой купец, Ингивальд. – Христофор, да Стефан, да Константин...

– Христофор помер, – поправил Гудфаст.

– Костинтин уже был, – одновременно сказал Ингвар.

– То другой Константин, – настаивал Ингивальд. – Один – Романов сын, а другой – Львов сын.

– И оба цари?

– Оба.

– Разом? – уточнял Ингвар с таким видом, будто ему говорили «свиньи летают по небу».

– Разом!

– Йотуна мать!

Но и это было еще не все: Кари припомнил, что в какой-то год застал в Царьграде празднества по поводу возложения царского венца на другого Романа – сына того Христофора, что уже помер! И у того Константина, который сын, тоже был свой сын Роман! Но считать этих Ингвар отказался: давайте-де сейчас и баб их всех, и псов, и кур в грамоту запишем! Царей у них, как опят на колоде, ум сломаешь, пока разберешься!

– Стало быть! Роман, который тесть! – Ингвар поставил перед собой свой серебряный кубок. – Костинтин, который зять! – выхватил у Мистины его кубок и поставил рядом. – Сте-

фан, который сын! – Стефана пришлось изображать поясному ножу. – Костентин, который сын. – Рядом с ножом легла горбушка от пирога. – Четверо. Все?

– Йотуна мать! – сказали разом несколько человек.

– Стефана с Константином-зятем я бы местами поменял, – посоветовал Аудун. – Они его, Константина, совсем в черном теле держат, хоть он Льва сын, а эти так... налезли на престол, как мураши на жабу дохлую...

Ингвар поменял местами кубок Мистины и поясной нож.

– Тогда ставь зятя на самый конец, – предложил Вефаст. – Пусть уж Роман со своими чадами впереди идет. Я видал, они богу молиться так ходят.

Кубок ушел в конец строя.

– Пиши! – велел Ингвар Стемиду, и тот принялся царапать: Роман, Стефан, Константин... и Константин.

Со вздохом человека, проделавшего тяжелую работу, Ингвар взял со стола горбушку и вцепился в нее зубами.

– Зятю корочун, – хмыкнул Мистина, и гриди вокруг с облегчением заржали. – Чего там дальше-то?

– Дальше, что, стало быть, князь Ингвар желает мир и дружбу утвердить и потому просит на другое лето принять посольство. Чтобы нам, значит, жить в мире, торговать, а все тяжбы разбирать по закону. Но это они потом сами напишут, а нам сейчас только суть надо.

Но и самую суть Стемид писал два дня: обдумывая каждую букву, счищая ножичком неудачные и давая отдых отвыкшим от такой работы пальцам. Когда же его тяжелый труд подошел к концу, оказалось, что запечатать грамоту нечем: свою печать Олег Предславич увез с собой, а у Ингвара никакой не было.

– Вели сделать тебе печать с вашим вороном со стяга, – предложила Эльга. – Будет ровно твой стяг, только маленький.

– Печать-то сделать надо, – согласился Вефаст. – Пусть посмотрят. Но пока их послы твою печать не заверили, им все едино, что есть она, что нет ее...

– Мне не все едино! – отрезал Ингвар. – Велю сделать – и пусть привыкают, что такая печать здесь теперь надолго!

Помня этот разговор, Асмунд не слишком удивился, когда в Мидии турмарх Прокопий взял его грамоту, повертел в руках и присмотрелся к восковой печати на кожаном шнуре, будто к невесте какой диковине.

– Что это? Какая-то птица? – насмешливо сказал он. – Мне неизвестна подобная печать у кого-либо из законных властителей!

– Была бы известна, ты был бы ясновидящий! – ответил Асмунд. – Князь у нас новый, и печать новая. А ты не видел – так посмотри. Еще не раз тебе ее видеть придется! И царям вашим!

– Я обязан послать о вас весть в Константинополь и поступить с вами, как прикажут, – турмарх вернул ему грамоту. – А поскольку я не знаю, кто вы, откуда и зачем здесь, то и дать вам содержание, как послам, не имею права.

– Я же тебе сказал, кто мы и откуда!

– Сказать можно что угодно. Но я обязан верить словам лишь тех, кто предъявит мне известную и утвержденную василевсами и логофетом дрома печать. И желательно с надписью: «Богоматерь, помоги рабу твоему такому-то»... – проворчал он.

До Царьграда оставалось дороги на пару дней, но ждать пришлось две недели. Это время послы жили на своих лодьях, вместе с отроками. Вернее, при лодьях: поставили на берегу близ города шатры и устроились, как обычно в походе. На склонах сероватых скал торчали пучки пышной, но уже пожелтевшей травы, будто бурая песья шерсть, между ними расстилались поляны почти белого песка, сбегавшие к прозрачному зеленовато-голубому морю. Отроки

купались и ловили рыбу, чтобы сберечь княжки деньги, через день отправлялись в Мидию на рынок за простыми припасами: сыром, хлебом, маслом. Асмунд тоже бывал в городе, всякий раз заходил к турмарху и спрашивал: не прислали ответ из Царьграда? Повидать Прокопия удавалось не всегда, но ответ был одинаковый: нет.

– Может, он ответ от царя и получил, – говорили купцы. – Да скрывает: важное лицо делает.

– Зачем? – не понимал Асмунд.

– Обычай у них такой. Чтобы мы знали: они тут большаки, а мы так... в углу нагажено.

– Терпением надо запастись, – Вермунд с сочувствием клал руку на плечо молодому князьему родичу. – Дальше будет хуже.

Наконец ответ пришел: василевс Роман и логофет дрома дали разрешение сопроводить русских послов в Великий Город. Прокопий послал галею⁷, и уже с ней три русских лодьи наконец вошли в Боспор Фракийский. Остановились на заставе Иерон, но ненадолго: греки лишь убедились, что никакого товара на продажу у русов на этот раз нет. Близ Иерона заночевали в последний раз перед городом и на другой день еще до вечера вышли в Пропонтиду. Люди Прокопия сошли с галей и отправились докладывать царю и его боярам, а русам велели ждать на лодьях.

Асмунд даже рад был времени оглядеться. Справа уходил куда-то вдаль широкий залив – тот самый залив, что греки зовут Керас, а русы – Суд. Вдоль Суда тянулась с ближней стороны высоченная каменная стена – как горная гряда, только ровная, а за ней еще какие-то стены, все с оконцами, издалика похожая напчелиные соты. С другой стороны Суда тоже были разбросаны в окружении посадок каменные дома, иные – столь огромные, что Асмунд невольно ждал увидеть их хозяев – ростом с сосну. Но вокруг мелькали люди обычного роста, рядом с этими постройками похожие на муравьев. И зачем им такие жилища громадные?

Стены над водой вздымались, будто неприступные горы. Дальше ходу не было. Накатывала растерянность: куда двигаться-то? Были, правда, ворота, в которых тоже мельтешили люди, но возле них стола стража в пластинчатых доспехах и шлемах.

– Эй, русиос! – кричали какие-то греки, подплыв к лодьям на мелких лодочках. – Купай!

– Чего? – не понял Асмунд.

Грек заговорил по-своему, показывая на корзину. Под тряпкой оказались лепешки, в другой корзине – какие-то мятые сизые ягоды размером с мелкую репку.

– Сики! Псоми! Тири!

– Хлеба купить предлагает, да сыру, да смоквы, – пояснил Ингивальд и достал серебряный шеляг. – Этого мало, привези больше! – По-гречески велел он и помахал шелягом. – У нас людей-то вон сколько, а нам тут до завтра еще куковать.

– До завтра? – удивился Асмунд.

– Самое малое. Не мешали бы им тут наши скутары – две недели томили бы.

Он оказался прав: постепенно утихла суета в гавани, закрылись городские ворота. Стемнело. Отроки и послы кое-как утеснились, чтобы хоть по очереди поспать на днище лодий. Асмунд устал, но от возбуждения спать не хотелось, и он все сидел возле руля, глядя на удивительно синее небо и яркие белые звезды.

Царьград! Верилось и не верилось, что он здесь – он, родившийся в далеком лесном краю над рекой Великой, где и сейчас живут его родители, младшие братья и сестры...

⁷ Галея – небольшой военный корабль, использовался в том числе для разведки.

* * *

Поселили русских послов в воинском доме предместья Царьграда – оно называлось Маманта. Здесь стояла царская усадьба, в которой сами цари никогда не бывали, окруженная садом и разными посадками, а вокруг довольно большое селение. Воинские дома построили лет сто назад, по указу тогдашнего царя Льва, для наемников из Северных Стран, для которых он создал особую дружину – этерию. О том, что здесь много норманнов, Асмунд знал: греки, ищущие охотников повоевать за деньги, добирались аж до Хольмгарда. От прославленной роскоши Греческого царства здесь не было и следа: угрюмые каменные строения, клетки с голыми стенами и без печей. Вдоль стен тянулись лежанки в два яруса – в каждой клетки человек на двадцать. Питались послы и их отроки заодно со стратиотами – кашей, овощем, всяческой рыбой, иногда копченым мясом. И то, как им объяснил царев муж по имени Лука, доставивший их сюда от пристани Боспория, это была большая милость василевсов – ведь пока договора нет, кормить послов греки не обязаны.

Войдя в воинский дом – «стратонес» по-гречески – русы оказались как в узилище, ибо страже было велено их отсюда не выпускать.

– Таков порядок, – на чистом северном языке объяснил им десятский, по-здешнему – декарх, по имени Кетиллэг, родом с Готланда. – Когда приезжают послы, их помещают в особый дом, и «львы»⁸ стерегут их, а когда кто-то из кейсаровых людей желает с ними повидаться – провожают, куда велено, а потом возвращают обратно.

– Но как они смеют так обращаться со свободными знатными людьми! – возмутился поначалу Асмунд. – Еще бы в железо заковали! Мы что – разбойники?

– А кто же вы? – расхохотался Кетиллэг. – Может, епископы? Вы же русы, а русы и разбойники – для здешних одно и то же. Мы делимся для них на две породы: дикие варвары – которые приходят грабить, и прирученные варвары, которых греки нанимают на службу за серебро. Я вот уже перешел в прирученные, даже принял крест, и теперь мне доверяют. У меня в кошеле кое-что звенит, могу в свой свободный день съездить в Город, прогуляться по Месе, и в харчевне посидеть с ребятами, и вина выпить, и к девчонкам зайти. А вы для них что волки из леса. Сидите и не шелкайте зубами, а то и правда в железо закуют.

– Но не обижайся – если придет епископ, скажем, из саксов, с ним поступят точно так же, – добавил другой десятский, Ари. – Здесь чужим не положено ходить без присмотра. Особенно с такими рожами, как у нас! Это у себя дома разные могучие вожди считают, будто сидят на соседнем престоле с Одином и весь свет молится на их нечесанные бороды, а здесь им быстро объяснят, кто правит земным миром. И небесным заодно.

За три дня Асмунд возненавидел и стратонес, и греческую чечевицу, и похлебку из капусты, от которой только урчало в животе; двор, где от скуки упражнялся заодно со стратиотами. Тех сейчас было не много – большинство отправилось воевать с сарацинами, как во всякое лето. Только эти упражнения несколько развеяли его скуку и негодование: любопытно было посмотреть греческое оружие, доспехи, приемы, которыми со всем этим управлялись. Запомнил слова: лорикий – кольчуга, кавадий – стеганный поддоспешник, клибанион – пластинчатый панцирь, скута – продолговатый щит, туреос – небольшой круглый щит, спата – тяжелый меч, парамирион – однолезвийный меч с рукоятью иного вида, контарион – длинная пика против конницы...

Однако в первый раз греческие чины приняли русов довольно быстро. Едва неделя прошла, как за ними явились два десятка царских хирдманов в клибанионах и повезли – только троих послов, без отроков, – вдоль Босфора на юг, к Царьграду. Даже не позволили взять с

⁸ «Львы» – наименование императорских телохранителей, которые в том числе сопровождали дипломатов.

собой купцов, чтобы переводить: сказали, что у асикрита есть свой толмач. Высадив с южной стороны мыса, завели в огромный каменный дом, что стоял прямо за стеной. Вход охраняли два каменных пса, у которых на шее росла густая шерсть. Асмунд знал, что от каменных зверей вреда быть не может, и все же прошел между ними не без тайного детского опасения – а что если вдруг оживут и зубами щелкнут...

Не показывая смятения, Асмунд следовал за провожатыми по гладким каменным полам. Как можно на самом деле жить в таких избах, с такимим-то огромными окнами, что хоть человек пролезет?

– Как они здесь топят? – по пути шепнул он Кольбрану, пройдя три покоя и не обнаружив ни одной печи либо хотя очага.

– Никак! – Кольбран показал на верхнюю часть серовато-белых стен: – Видишь, копоти нет.

– А как жить?

– Зимы у них не те, что наши. А летом среди камня прохладнее.

Асмунд и сам ощущал, как приятно после жары снаружи войти в прохладу, и все же среди камня с непривычки чувствовал себя неудобно.

Русов принял асикрит логофета дрома, по имени Лаврентий, по званию тоже спафарий, хотя без меча. Чернобородый мужчина, еще довольно молодой, с крупным носом и ранней лысиной, он сидел за столом, по которому было разложено множество желтоватых кожаных листов – расправленных и свернутых. С одной стороны за столиком поменьше устроился другой бородатый грек, одетый скромно и с писчей палочкой в руке. А возле стола стояла... какая-то старая, противная по виду баба с коротко остриженными непокрытыми волосами, одетая в мужскую рубаху и узкие порты. Асмунд воззрился на нее в изумлении, будто на оборотня. Едва рот не открыл.

Сидевший за столом грек что-то сказал.

– Мне доложили, что в Росии сменилась власть и вы приехали от нового архонта, – перевела баба на славянский.

Говорила она понятно, но и голос был какой-то странный: не мужской и не женский. Вефаст украдкой толкнул Асмунда локтем и многозначительно кивнул на грека за столом.

– Говори с ним! – шепнул он на северном языке. – Это кейсаров человек, а то – толмач. Он скопец. Не замечай его. Скажи: мы от конунга Ингвара...

– Мы прибыли от Ингвара, князя киевского и вождя руси, – по-славянски повторил Асмунд, стараясь подавить брезгливость и не замечать «бабы», которая оказалась бывшим мужиком. – Минувшей весной он по воле судьбы, с благословения наших богов и согласия всей русской дружины принял власть в Киеве и прислал сюда меня, своего родича, чтобы уведомить греческих царей и установить мир, дружбу и порядок торговли.

Речь он заготовил заранее и крепко заучил – теперь его это выручило.

– У вас есть грамота? – спросил грек за столом.

Новость, которая во владениях Вещего Олега сотрясла небеса, на него не произвела ни малейшего впечатления.

Грамоту Асмунд держал в руках, так что не заметить ее было сложно. Молодой посол протянул ее греку, но тот, не вставая, кивнул «бабе». Толмач шагнул к Асмунду; тот едва удержался, чтобы не отшатнуться – такое отвращение ему внушало это существо. Но Вефаст снова подтолкнул его локтем, и Асмунд, с трудом сохраняя спокойствие на лице, передал свернутую грамоту скопцу – держа за один конец, чтобы тот мог взять второй.

Скопец с поклоном положил грамоту на стол перед асикритом, но тот лишь глянул на нее, не притронувшись.

– Расскажите, что у вас произошло.

Асмунд глубоко вдохнул, прежде чем начать говорить. Вся старшая дружина много дней спорила, обсуждая ответ на этот вопрос, если он будет задан. Тогда, возможно, Ингвар впервые понял, что значит быть князем – лицом и голосом дружины не только перед богами, но и перед чужими людьми. Истинная причина состояла в том, что дружина хотела походов, а князь Олег-младший не хотел. Киевлянам произошедшее объяснили сложнее: старый князь Предслав, отец Олега, покровительствовал ирландцу Килану, который оказался упырем и загрыз человека. Предслав был христианином, и киевлянам объяснение показалось убедительным.

Но предложить эту же байку грекам-христианам? Даже Балли, чья голова больше подходила для вышибания дверей, чем для думанья, понимал: не пройдет.

– Русская дружина предпочла вручить власть над собой князю Ингвару и жене его Эльге, племяннице Олега Вещего, потому что эта чета объединяет в одних руках наследственные права и власть над всем Путем Серебра – от Хольмгарда на севере до Киева.

– А что случилось с вашим прежним князем? – Грек заглянул в свиток, который лежал перед ним, развернутый и прижатый камнями с двух сторон. – Эльг... сын Преслава?

– Он уехал в свои наследственные владения. На Мораву.

– Но там же турки⁹! – удивился грек. – Разве не турки изгнали его оттуда ранее?

– Именно так.

– И почему же он решил туда поехать?

– Потому что русская дружина избрала себе других владык.

– Дружина? То есть войско? – Грек наклонился над столом ближе к послам. – У вас совершился переворот, и власть была отнята у прежнего архонта силой.

– Это так, – подтвердил Асмунд. – Но князь Ингвар не поднял руки на родича своей жены, Олег уехал живым и здоровым, он увез с собой свою жену и сына, все свое имущество и половину наследства предков. На руках Ингвара нет крови близких, и на него не ляжет проклятье. Зато теперь весь Путь Серебра объединен в одних руках, что обещает большие выгоды в торговле между Полуночным морем и здешними краями. Поэтому князь Ингвар желает мира и дружбы с Греческим царством.

– Василия Ромеон не дружит с варварами, – почти безотчетно обронил грек. – Она дарует дружбу...

Он пристально смотрел на Асмунда и других послов, думая о чем-то своем.

– У вас идет война? – спросил он наконец. – Эльг собирает своих сторонников и пытается вернуть себе престол? Если вы сказали правду, и Ингвар отпустил его живым и непокаленным.

– Не покаленным?

– В таких случаях сверженного правителя лишают зрения, или мужского достоинства, или того и другого разом, и запирают в монастырь. Кто же возьмет и просто отпустит своего соперника в борьбе за престол? Даже варвары не так глупы.

– Куда запирают?

– Ах, да, у язычников же нет монастырей. Держат в неволе.

– Ингвар не держит родичей в неволе. – Асмунд оглянулся на Вефаста, будто искал подтверждения. – Ты можешь мне верить – я сам состою в родстве с Олегом-младшим! Он внук моего дяди, то есть мне двоюродный племянник. И если бы его лишили зрения... и прочее, что ты сказал, я не позволил бы этого, не смирился с этим и не стал бы служить Ингвару.

Но его горячность пропала даром: грек слушал и лишь постукивал пальцами по столу все с тем же задумчивым видом.

– Это очень важные сведения... – заметил он. – Если все так и было...

– Я могу поклясться моим оружием и богами, что все это правда!

⁹ Турками греческие источники называли венгров.

– До клятв еще дойдет. Всему свое время... Ну, хорошо, – кивнул Лаврентий. – Я передам все это логофету дрома, и вам сообщат о дне следующего приема. Ступайте с Богом.

Безбородая мужебаба и сидевший с другой стороны грек-помощник двинулись к послам, имея намерение проводить их за двери. Асмунд повернулся и пошел прочь, сжимая зубы, чтобы подавить негодование. Не сказать чтобы асикрит Лаврентий чем-то явно оскорбил его – а что не очень поверил, так они ведь видятся впервые в жизни. Но беседа оставила очень неприятный осадок. Они как будто совсем не поняли друг друга, несмотря на усилия толмача.

* * *

После первой встречи с царевым мужем день проходил за днем, не принося новых известий. Казалось, о русах в предместье Маманта забыли. Но со двора по-прежнему не выпускали, так что все обширное Греческое царство для них стянулось в серые стены стратонеса и небо над ним. Стояла жара, еще более невыносимая среди камня и пыли. Асмунд и Вефаст заставляли отроков полдня упражняться, чтобы хоть чем-то их занять, но в жаре и духоте люди быстро приходили в изнеможение. Остаток дня спали, а ночью, когда становилось чуть прохладнее, сидели на своих лежанках, болтали, пели. Здешние стратиоты вели такой же образ жизни. Эти получали царское пожалование, кроме пищи, еще и деньгами; иной раз покупали в предместье вина и разного сладкого овоща, угощали киевских отроков. И греческая луна, в удивлении заглядывая в оконца, слышала несущуюся в ночь околесицу, любимую молодой дружиной и имеющую смысл только в ее неотягощенном разуме:

Мы ловили медведя –
Ой, лели, лели я!
Мы катали медведя,
Ой, лели, лели я!
Мы кормили медведя,
Мы поили медведя,
Спать ложили медведя...

Стараясь не подавать вида, Асмунд с каждым днем все больше изводился. Чего греки тянут? Он все им объяснил, грамоту вручил. Ответил на все вопросы. При всей своей неопытности, молодой посол не находил, в чем себя упрекнуть. Осталось уговориться насчет обмена посольствами для заключения нового договора, и можно отправляться домой. А домой хотелось. Как и всем, ему опостытели каменные стены и пыльный двор стратонеса, греческая чечевица и горох, вяленые сики, копченая кефаль и разведенное водой кислое вино с отчетливым привкусом сосновой смолы. Баней их не баловали – вода текла в подземную цистерну по трубам из такой дали, что верилось с трудом, – а к морю, куда ходили вечерами купаться стратиоты, их поначалу не пускали. Только потом, подружившись с десятскими и сотским, Финн-бьёрном, русы стали по двое-трое ходить к морю вместе со стратиотами. Но и теперь душный запах пропотевших рубах очень досаждал. До чего же глупо – месяц грести сюда по Днепру и морю, мимо печенегов и болгар, чтобы потом еще месяц дожидаться, сидя в пыли, будто пес на привязи! На войне и то легче!

Но вот наконец у ворот опять появились шлемы дворцовых «львов». Русов предупредили за день и велели сходить в баню, а потом одеться в чистое: их собирался принять не Лаврентий, а более важный чин – сам патрикий Феофан, протовестиарий, один из мужей, вершащих судьбами Греческого царства. Русы ободрились: наконец-то дело сдвинулось с места!

Их снова посадили в лодьи и привезли в тот же дворец с каменными псами у дверей. Но провели уже в другое помещение – отделанное гладким серым камнем с черными разводами, с

красноватыми каменными столпами по углам и резными косяками окон. Здесь сидел за столом рослый, полный, величественного вида немолодой мужчина. Лицо у него было такое, каких среди славян и русов не встретишь: с сильно выступающим горбатым носом, невысоким покатым лбом. Несколько отвислые щеки были чисты, углы рта опущены, будто патрикий взирает на мир свысока и не без пренебрежения. И Асмунд с ужасом понял, что этот безбородный царедворец – тоже скопец!

– Йотуна мать! – почти беззвучно выдохнул он, не зная, как быть дальше.

Казалось, один разговор с этим существом замарает его навсегда, сглазит, лишит силы и уважения людей! Как хорошо, что никто из дружины, кроме Вефаста и Кольбрана, его сейчас не видит! Только бы не вздумал руку подать!

Вокруг большого, отделанного резной костью и чеканным серебром стола стояли уже два столика, за которыми сидели греки-помощники с листами пергамента и писчими палочками, еще один застыл сбоку, другой сидел на длинной каменной скамье под окном.

– Садитесь, – пусть и не слишком любезно, толстый грек указал русам на другую скамью, напротив. К тайной радости Асмунда, пожимать им руки он явно не собирался. – Разговор, возможно, будет долгим.

– Нам не привыкать – мы и ждали его очень долго! – вырвалось у Асмунда.

– Я выслушал Лаврентия, который передал мне ваши речи, и просмотрел вашу грамоту, – толстяк небрежно кивнул на лист, лежащий перед ним. – Правда, без настоящей печати все это стоит не больше оливковой косточки, но пусть будет так. Прежде чем мы сможем признать печать нового архонта Росии, наши люди должны будут посетить Киев и убедиться, что там все так, как вы говорите.

– Пусть приезжают, – с трудом держа себя в руках, процедил Асмунд. Лениво лежащие на столе толстые бабы руки грека внушали ему отвращение, и он невольно поглядывал в окно, на небо. – Князь Ингвар примет их с надлежащим уважением.

Ему почти в глаза сказали, что он может оказаться лжецом и самозванцем, а вовсе не послом, но он решил терпеть негодование, как воины терпят боль. «Не подведи меня», – говорил ему Ингвар.

– Так значит, вы утверждаете, что родственник архонта Эльга сместил его и захватил власть в Киеве, опираясь на войско, полководцев и знать? – прищурился грек, будто ему рассказывали байки.

– Это так, – твердо ответил Асмунд. – Дружина руси провозгласила Ингвара своим вождем.

– И насколько велика и сильна эта дружина?

– На нашей стороне были все киевляне, кроме... – «кроме христиан», хотел сказать Асмунд, но вовремя прикусил язык, – кроме морован, соплеменников его отца. Русы и славяне все встали на сторону Ингвара. Большая дружина тоже с ним.

– Это правда? – Патрикий Феофан склонил голову набок и окинул всех троих послов таким отработанно-испытующим взглядом, будто каждый день допрашивал лжецов.

– Йотуна мать, это правда! – рявкнул выведенный из терпения Асмунд, который вовсе не привык, чтобы ему не верили.

– Он клянется Богоматерью, что говорит правду, – перевел толмач, давно подобравший приличное соответствие всему тому, что срывается с языка у варваров.

– Если бы это была не правда, зачем бы я стоял здесь перед тобой! – продолжал Асмунд. – Зачем бы тащился через море?

Свои верили ему, потому что он свой, чужие верили, потому что за ним стоял сильный род, а любое обвинение во лжи пришлось бы подтверждать с оружием в руках, чего, глядя на Асмунда, рослого, крепкого и ловкого, никому бы не захотелось. Поэтому его слова и не подвергали сомнению по мелким поводам, а для крупных он до сих пор оснований не давал.

– Во все времена люди находили множество причин, чтобы солгать ради придания себе веса либо обогащения, – засмеялся патрикий, вертя в пухлых пальцах писчую палочку. От него исходил запах каких-то сладких благовоний с примесью пота, – запах был не такой, какой источают вспотевшие мужчины, и Асмунда мутило от этого. – Значит, новый архонт Ингер сосредоточил в своих руках немалые военные силы?

– Да, – сдержанно ответил Асмунд, стараясь вдыхать лишь со стороны окна.

В этом вопросе он почуял подвох. А что если его спросят, не намерен ли Ингвар двинуть эти силы на Греческое царство?

– И какого же договора он хочет от нас?

– Договора на тех же условиях, какие были при Олеге Вещем, – с дерзкой уверенностью ответил Асмунд. – Тебе они известны?

– Я не помню всего, но в архиве хартулария варваров этот договор, конечно, есть... Однако я помню, что это был весьма выгодный для вас договор. Кажется, там даже было сказано, что если рус будет убит и его убийца сбежит, то его имущество передается родичам убитого. А если кто из русов умрет своей смертью, то его наследство получают родственники в России – небывалое дело! В Романии нет такого закона! Но, клянусь головой Богоматери, нет смысла обсуждать подобный договор с новым архонтом, который еще ничем себя не проявил и даже не доказал, что и впрямь обладает властью.

– Князь Ингвар проявит себя, – сдержанно ответил Асмунд.

Греки поверят, что он обладает властью, лишь когда увидят две тысячи его кораблей в своем Суду? Это можно! Многие среди руси только этого и хотят!

– А ваше посольство увидит его власть своими глазами, когда приедет в Киев, – добавил он.

– Наше посольство может прибыть к вам только на следующий год. У нас мало времени – и у меня лично, и у василевса. Слишком много дел, – Феофан с любопытством посмотрел на два перстня с самоцветами на своей правой руке, будто этот осмотр и был его важным делом. – Но василевс и синклит намерены предложить вам кое-что. Если мы достигнем соглашения и Бог благословит наши замыслы, мы убедимся в истинности власти архонта Ингера, а он получит надежду заключить почти такой же хороший договор, какой был у Эльга Старого.

– Дело? – Асмунд его не понял.

– Клянусь головой апостола Павла! – Феофан бросил палочку на стол и наклонился к послам. – Дело! Свою власть доказывают делом. Свою силу доказывают делом. Право на то, чтобы с вами считались, тоже доказывают делом! А василевс в неизмеримой милости своей готов дать вам такую возможность.

– О чем ты говоришь? – нахмурился Асмунд.

– Я говорю о хазарах, – прямо ответил Феофан. – Пока наши силы были отвлечены борьбой с сарацинами и болгарами, каган захватил наши владения в Таврии, и мы с трудом удержали только фему Херсон. Если архонт Ингер желает быть нашим другом, он должен доказать, что достоин дарованной василевсом дружбы. Что у него действительно есть сила и он готов употребить ее на благо Василеи Ромеон. Готов ваш архонт двинуть свои войска на владения хазар в Таврии и на Боспоре Киммерийском?

– Ты сам понимаешь, что мы не сможем ответить тебе прямо сейчас, – сказал более опытный в таких делах Вефаст, пока изумленный Асмунд пытался уяснить услышанное. – Мир или война – такое решает лишь князь со всей дружиной, а ни о чем подобном еще не заходило речи...

– Ох, не заходило! – отмахнулся Феофан. – Русы прекрасно знают дорогу и к Боспору Киммерийскому, и к Гурганскому морю. Ваши архонты много раз ходили туда. Помнится, в последний раз это было как раз тридцать лет назад – когда при попустительстве самого кагана его сарацинская охрана разбила все войско русов по пути от моря, где они грабили земли

сарацин. Никто не удивится, если и ваш новый архонт поведет туда свое войско, чтобы – как вы говорите? – стяжать славу и захватить добычу. А заодно и посчитаться за тот разгром.

Асмунд не сразу нашел ответ, пораженный этим напоминанием. Грек сказал правду: о разгроме тридцатилетней давности на Итиль-реке Асмунд знал очень хорошо – по рассказам Свенельда, который участвовал в том походе и знал все подробности. И что же – греки подбивают русов к мести хазарам?

– То есть василевс хочет, чтобы Ингвар напал на земли каганата при Боспоре Киммерийском? – уточнил Кольбран.

– Именно так.

– Это должен быть просто набег – грабеж поселений, захват Карши или Самкрая, увод пленных? Еще какие-то условия будут?

– Об условиях мы поговорим в другой раз, – Феофан кивнул своим подручным, те отложили писчие палочки и встали. – У меня нет на это времени, за вами пришлют позже. Но вы пока обдумайте, насколько это условие подходит вашему архонту. Другого у меня для вас пока нет.

Глава 4

Киев, 1-е лето Ингварово

– Вот он. – Эльга вытащила из ларя нечто плоское, завернутое в богато расшитый рушник, и положила на стол. – Вроде не тяжелый.

Старинный серп полянских княгинь на вид ничем не отличался от прочих. Но сама обыденность его вида, при том, каким почетом было окружено это орудие из почерневшего железа, наводила на мысль об особенной, скрытой в нем силе, какую не увидишь простым глазом. Эльга и Ута даже не сразу решились взять его в руки, наконец обнаружив на дне ларя.

В этом ларе хранились принадлежности жертвоприношений и прочих священных обрядов, совершаемых полянскими и русскими князьями. Пару лет назад Эльге показывала его тогдашняя княгиня Мальфрид, а теперь Эльга показывала его своей сестре Уте. Чтобы отыскать нужное, им пришлось вынуть несколько серебряных, позолоченных чаш для сбора жертвенной крови, молот, которым оглушают крупных животных, жертвенные ножи, большие туры рога в серебряной оковке, служащие для возлияния богам.

Серп лежал на самом дне. Вынутый из рушника, он казался слишком грубым, неуместным возле прочих священных сокровищ – блестящих позолотой, цветной эмалью и самоцветными камнями. А между тем стоил он, пожалуй, дороже всего прочего содержимого с самим ларем вместе. Любая чаша не дороже пошедшего на нее серебра. А в этом простом железном серпе на резной костяной ручке заключались все прошлые и будущие урожаи, сама плодоносящая сила нив полянских – бесконечная и неисчерпаемая, как время. На пожелтевшей, гладко вытертой ладонями многих женщин кости были вырезаны знаки земли, солнца, воды, плуга – вечное заклинание жизни.

Взявшись за костяную ручку, Эльга прикинула вес орудия. Пальцами другой руки осторожно прикоснулась к режущему краю, потом протянула Уте:

– По-моему, он тупой. Или так и надо?

Та посмотрела.

– Зубцы сточились. Надо кузнецам отдать. Видишь, он совсем сточенный уже.

– Жутко подумать, сколько ему лет, если он так сточен, а ведь каждый год им подрезали один рядок, да и все!

– Но вострили все равно каждый год, а лет через десять и зубцы перебивали.

– Его надолго не хватит. Еще две-три княгини – и придется ковать новый!

Эльга засмеялась: не много на свете вещей, срок службы которых измеряют в княгинях. А ведь она, восемнадцатилетняя княгиня русская, мать почти двухлетнего сына-наследника, перед этим серпом была девочкой. В его жизни предстоящая жатва была невесть какой по счету, а для нее – первой. Как тут не волноваться? Со времен переворота, отдавшего власть в руки ее мужа, это было первое важное дело, которое предстояло исполнить ей, новой владычице руси.

Олег Вещий стал своим для полян, взяв жену здешнего княжьего рода. Ту, что воплощала не просто эту землю, а ее плодоносящую ниву. Эльга же была здесь почти чужой: ее связывало с этим краем лишь родство с Олегом. У нее не имелось здесь рода, что из поколения в поколение, от матери к дочери, от бабки к внучке передавал бы серп, обряды и песни. Она была как веточка, что пыталась прирасти к чужому корню, и серп для жатвенных обрядов не столько получила, сколько силой вырвала из рук прежней хозяйки.

Но вырвать мало – нужно удержать и приспособить к делу.

Сейчас Эльга выжидательно смотрела на Уту. Двоюродная сестра была ее ровесницей, обучались они вместе, однако Ута уже однажды возглавляла жатвенные обряды – три года

назад, в ту единственную осень, что пробыла женой ловацкого князя Дивислава и старшей жрицей его земли. Теперь же их предстояло проделать Эльге.

– Это не сложно, – начала объяснять Ута. – Держишь серп в правой руке. Вот так концом цепляешь пучок колосьев, отделяешь от рядка. Потом вот так режешь – раз, два, три. Он сам обрежет стебли по кругу. Главное, не выставляй вперед ногу и не дергай на себя, а не то поранишься.

Эльга взяла у сестры серп и повторила ее движения. Когда-то, еще до замужества, в Плескове их учили этому обеих, но за минувшие три года некрепкий навык совсем усох.

– Нет, так не годится. – Эльга положила серп обратно на рушник. – У меня неловко выйдет. Нельзя же мне учиться на глазах у всех этих баб! Они и так на меня косятся, а если еще слух пойдет, что у новой княгини дело из рук валится – совсем засрамят.

– Давай поучимся где-нибудь, – предложила Ута. – Это не сложно, только наметаться надо.

– Поучиться-то хорошо бы. А где? Да так, чтобы никто не видел.

– Не видел?

– Само собой! Если хоть одна сорока увидит, как мы с тобой траву на поляне жнем, разговоры пойдут худые. Или в ворожке обвинят, или скажут, что княгиня – неумеха. Они должны думать, что я все могу и умею не хуже них, хоть они двадцать лет на жатвы ходят. Никто не должен знать, что я не умею, стало быть, никто не должен видеть, как я учусь.

Ута подумала, потом вздохнула и предложила:

– Давай со Свенельдичем посоветуемся.

Эта мера всегда приходила им в голову, если они сами оказывались в затруднении. После бед ранней молодости Доля сжалилась над Утой: овдовев, та очень скоро вышла за побратима Ингвара – Мистину, сына воеводы Свенельда. Такой судьбе любая бы позавидовала: муж Уты был молод и недурен собой, а к сломанным носам парней девушки, выросшие близ дружин, привыкли и почти не замечали. Супруг ценил ее как племянницу Вещего, которая и его ввела в круг родни прославленного князя, относился с уважением. Свекор считался молодому князю Ингвару вторым отцом, имел хорошую долю в дани и добыче, сам вел заморскую торговлю, и в первые годы замужества Ута жила даже богаче своей сестры.

К тому же она успела убедиться, что муж ее – человек умный, способный найти средство помочь любому делу. Если сочтет его достаточно важным, чтобы снизить.

Впрочем, если дело касалось Эльги, он всегда находил его важным.

Проводив сестру, Эльга завернула серп в рушник попроще, позвала отрока и велела отнести Скольду Кузнецу: княгиня кланяется и просит, чтобы выправил прямо сейчас, до вечера, но никому не показывал. Великан Скольд был самым добрым из Ингваровых дружинных кузнецов и охотнее всего откликался на просьбы Эльги. Может, неправильно было позволять простому человеку прикасаться к священному оружию, может, надо было самого Ингвара попросить. Но потом Эльга вспомнила, что у полян всякий кузнец считается сыном самого Сварога, а значит, не будет худа.

Пора было обращаться к насущным делам. Пару недель Ингвар с ближней дружиной провел на лову: объезжали все леса Полянской земли вдоль Днепра, загоняя вепрей. Близились жатва, на репищах зрели овощи, а лесные свиньи причиняли урожаю большой урон. Всю добычу князь забирал себе: даже десяток туш в берковец-полтора каждая – не так уж много, если надо кормить шесть сотен человек, причем каждый день! Летом хранить мясо долго нельзя, и на поварне работа кипела круглые сутки: даже ночью при свете огня в очагах здесь разделявали туши.

За столы княжьего двора ежедневно садилось по паре сотен человек – свои гриди, всякие гости, не считая челяди, – но в доме не имелось другой хозяйки, чтобы присматривать, как челядь режет барана или свинью, разделявает тушу, из одних частей варит похлебку для всей

дружины, самые лучшие обжаривает или тушит для воевод и бояр, что будут князем приглашены за стол. Каждый день пекли хлеб в печах особой «хлебной избы» на краю двора. Поодаль от жилых помещений стояла поварня: длинная изба с высокой кровлей, с широкими дверями на обоих концах – летом их растворяли настежь ради освещения. По сторонам тянулись длинные дощатые столы, а посередине чернели несколько обложенных камнем очагов. Над ними вешали большие котлы для каши или похлебки, ставили на решетках железные и глиняные сковороды для мяса, рыбы, блинов. На вертелах обжаривали части туш. Целыми днями из поварни тянуло дымом, княжеская челядь стояла вдоль столов, разделявая выловленную из Днепра рыбу, очищая репу, морковь, лук и чеснок. Особо назначенный отрок сидел с краю с точильным камнем: править ножи челядинок, которые те подносили ему все по очереди. Снаружи под стеной была устроена выложенная камнем яма, где для пиров запекали туши целиком. Эльга управляла всем сама и в душе гордилась, что у нее все сыты и довольны: от князя до последнего мальчика.

Последние недели Эльга прожила среди пятен крови и куч внутренностей, среди запаха паленой щетины, топленого сала и уксуса, в котором вымачивали мясо перед готовкой. Печень и прочую требуху съедали сразу, сало и окорока солили и коптили для будущих пиров, мясо на ребрах или кусками жарили, из ножек делали холодец. Каждый день ближняя дружина ела обжаренную грудинку с кашей. Эльга сама проводила среди туш целые дни, хорошо понимая: нельзя дать пропасть ни одному хвостику и ушку – ведь ей кормить эти сотни людей до конца осени, до отхода в полюдь. Зимой большую дружину будут угощать подвластные Киеву земли, но челядь останется на ее попечении. Зато ряды бочонков с соленой веприной и подвешенные к балкам в погребе окорока грели ее душу так, как не согрело бы самое роскошное греческое платье.

Бочонков едва хватило. Соль на исходе. Нужны новые корыта. И люди. Главное – люди! Княгине отчаянно не хватало челяди, и порой она работала сама, стоя за столами рядом со своими шестью служанками. Даже Добрету, кормилицу для Святки, ей вместо обычного дара для роженицы преподнес Свенельд. Та родила чуть раньше, но ее дитя умерло, поэтому молодая уличанка могла отдавать княжьему чаду все свое молоко, любовь и заботу.

Эльга стояла у двери поварни, глядя, как челядинки чистят рыбу, как вдруг совсем близко за спиной раздался знакомый голос.

– Ута сказала, ты меня хочешь. Так вот он я. Весь твой.

Эльга зажмурилась, подавляя желание сказать, что думает по поводу этого двусмысленного приветствия. Когда никто их не слышал, зять Мстислав Свенельдич нередко пытался вовлечь ее в болтовню, напоминающую езду на костяных коньках по краю проруби; порой Эльга находила это забавным, но сейчас ее мысли были о деле и не хотелось тратить время на шутки.

Она обернулась, сразу поднимая глаза повыше – ростом Мистина превосходил всех в дружине. И не только ростом. Именно его, ближайшего своего человека, Ингвар посылал к матери в Хольмгард, и Мистина умудрился съездить и вернуться с успехом всего за три месяца! Теперь он был сотским ближней княжьей дружины: набирал людей, руководил упражнениями и обучением гридей, улаживал их раздоры между собой и с киевлянами. Его отец, Свенельд, следил за положением дел в большой дружине, половина которой жила в Витичеве, а половина – в Вышгороде; сотню держали в Киеве на случай каких беспорядков. Основой ближней дружины Ингвара стали его прежние отроки, большая в основном осталась от Олега Предславича – эти люди содержались за счет дани и оставались при том, кто ее собирал и распределял. Пока еще ни город, ни дружина не привыкли к новому хозяину, доверять Ингвар мог только своим прежним отрокам, и вот тут Мистина оказался незаменим: никто лучше него не умел следить за разговорами и настроениями. Все это оставляло ему так мало свободного времени,

что даже до дома он добирался не всегда, нередко оставался ночевать в гриднице. Эльга видела его чаще, чем собственная жена Ута.

И на зов княгини он являлся так быстро, как мог.

Обернувшись, Эльга не поймала его взгляд: он смотрел куда-то ниже ее лица. В эту жаркую пору она одевалась в льняную сорочку и крашенный льняной же хенгерок – северного образца платье без рукавов, с лямками через плечо, сколотыми на груди продолговатыми узорными застежками. Такие застежки составляли и гордость, и сокровище всякой уважаемой женщины. А если между ними подвесить снизки стеклянных и серебряных бусин с подвесками, то на одной груди можно увидеть стоимость годовой подати с немалой волости – дворов из сорока-пятидесяти.

– Будь жив! – окликнула Эльга. – Снизки мои понравились?

– Будь жива! – На правах родича Мистина наклонился и слегка коснулся ее губ вежливым родственным поцелуем. И как всегда, она невольно сделала глубокий вдох; в такие мгновения его становилось слишком много. – Удивительно красивые... – с искренним чувством добавил он. – Ни у кого больше таких нет.

«А ты уж все в Киеве пересмотрел!» – подумала Эльга, а вслух сказала:

– Отойдем!

И кивнула ему прочь от столов, пока челядь не приметилла, как зять пялится на ее грудь, обрисованную двумя слоями льна.

Поскольку она сама ребенка не кормила, то грудь у нее осталась девичья, высокая, а после родов стала еще пышней. В разрезе сорочки выше хенгерка виднелась ложбинка между двумя нежными округлостями; попав в эту западню, взгляд Мистины никак не мог оттуда выбраться.

– Скоро жатва, – начала Эльга, когда они вышли из поварни. – Мне придется идти зажинать. Надо будет сжать по ряду на двух-трех ближних полях, как Мальфрид делала.

– Я помню.

– Серп мы нашли, но я его три года в руках не держала, да и раньше – только пока нас Велемира учила... Свенельдич, глаза сломаешь! – Эльга подпустила строгости в голос.

Мистина наконец вскинул взор к ее лицу. В его серых глазах сейчас было хорошо ей знакомое выражение, которое она затруднилась бы описать: он слушал ее и отвечал по делу, и в то же время как будто в мыслях делал с ней... то самое, для чего у него имелась собственная жена. А легкий, едва заметный излом брови намекал, что у воеводы полно забот и он слушает эту женщину лишь потому, что она княгиня и супруга его побратима. Эльга наблюдала за Мистиной уже три года, но не перестала дивиться его способности совмещать деловитость со скрытым любопытством, да так, что этот сплав казался совершенно естественным и ничуть не мешало другому.

И все же она замечала, что с минувшей весны его обращение с ней изменилось. Он начал на самом деле слушать то, что она говорит, а не отшучиваться. Не так чтобы в его взгляде появилось уважение... но выражение собственного превосходства стало не таким ярким. Он стал смотреть на нее так, как смотрел бы на толкового отрока: еще не человек, но уже на пути к этому. Уже внушает надежды.

– Поупражняйся, – посоветовал он. – Не завтра же еще начинать?

– Дня через три. Ко мне вчера приходили большухи...

– Чьи большухи приходили? – оживленно спросил Мистина: это было важно.

– Гостимилова, Веледенева, Радовекова.

– Это хорошо! Сами пришли, или ты за ними посылала?

– Посылала недели две назад. Велела кланяться и просила, чтобы они своим умом и опытом меня, молодую наставили и оповестили, когда рожь в спелость войдет.

– Правильно, – одобрил Мистина, и Эльга поневоле ощутила гордость.

Не требовалось объяснять ему, как важно ей, молодой русской княгине, привлечь к себе этих дородных баб с обожженным солнцем лицами, с отвислыми от частых родов животами, до которых спускаются груди, выкормившие десяток чад. Она так непохожа на них, но они должны увидеть в ней свою святыню – воплощение земли. Той земли, что была родной им, но не Эльге.

– Через три дня, бабы решили, надо зажинать, чтобы успеть убрать, пока рожь не посыплется.

– Ну, за три дня научишься. Тебе же не все поле жать.

– Где мне поучиться, чтобы никто не видел?

– Пойдем ближе к ночи до бору, там порежешь траву на поляне, где нет никого. Да хоть прямо сегодня, пока небо ясное.

– Ближе к ночи?

– Но ты же хотела, чтобы тебя никто не видел? Только оденься, как все бабы. Чтобы издали в глаза не бросалось, что княгиня. Я своих отроков и лошадей возьму. Как начнет темнеть, будь готова и жди.

* * *

Вечером, зайдя в жилую избу, Ингвар отчасти удивился: жена сидела в белой сорочке и красной плахте, вытканной нарочно для обрядов, и будто бы чего-то ждала.

– Ты что это бабой нарядилась? – Он знал, что Эльга не любит славянского платья и никогда его не носит.

– Я так на жатву пойду.

– А сейчас что – жатва? Я, знаешь, уже спать собирался.

– Почти жатва. Где Свенельдич?

– В гриднице. Тебе он зачем?

– Жать пойдем.

– Жать? Со Свенельдичем? – Ингвар нахмурился. – Что ты мне голову морочишь? Чего жать? И почему на ночь глядя?

Он устал за день и не хотел разгадывать загадки. Это лето выдалась самым непростым за его жизнь. Сложнее даже тех, что Ингвар проводил в военном походе – там-то ему, храброму и решительному, было все понятно. Но княжий стол требовал совершенно других умений и способностей, и он с трудом привыкал к новому положению.

– Лучше не спрашивай! – Эльга улыбнулась и ласково положила руки ему на грудь.

Они были почти одного роста, но она – легкая, стройная, светлая – смотрелась как белая лань рядом с сильным, но неказистым рабочим конем. При русых волосах и бровях борода у Ингвара росла рыжая, а весь облик был таким простецким, что странно было видеть его во главе куда более внушительных людей. Он был далеко не глуп, но сразу понимал только хорошо знакомые ему предметы. Эльга давно знала: если некое дело нельзя объяснить в трех словах, проще отшутиться.

– Сейчас мы с Утой пойдем жать траву на поляне, а Мистина с отроками будет нас охранять, – пояснила она. – Скоро вернемся. Но ты ложись, не жди меня.

– Что вы затеяли? Это что... ворожба какая-нибудь?

Ингвар сомневался, не дурачат ли его, но твердо знал: и жена его, и побратим совершенно не те люди, что могут заняться полевыми работами без особых тайных причин. К тому же ночью!

– Можно и так сказать. Но ничего опасного!

– Зачем вы Уту ночью по полянам таскаете! – Ингвару не понравился этот замысел. – Ей беречься надо! Что вы с Долговязым за игрища дурацкие все выдумываете? Нейдется вам!

Его немного раздражало, что он не всегда поспевал за бойкими умом женой и побратимом.

Эльга подавила вздох и снова нежно улыbnулась мужу:

– А ты бы хотел, чтобы я ночью гуляла по лесу вдвоем с Долговязым?

– С ним вдвоем ты никуда не пойдешь! – отрубил Ингвар.

– Само собой, – смиренно согласилась Эльга. – И не думала даже.

Скрипнула дверь, в избу заглянул Мистина, согнувшись под притолокой едва не пополам:

– Княгиня, готова?

– Да, – Эльга встала, прихватив большой платок из некрашеной шерсти: одолжила у Добреты для защиты от вечерней прохлады.

– Эй! – крикнул ей вслед Ингвар. – Вы же не голые собрались там воровать?

– Не спрашивай – сглазишь! – засмеялась Эльга.

Мистина только хмыкнул. «Тебя бы все равно посмотреть не пустили», – подумала Эльга. Бывает женская ворожба, которую творят обнаженными, но такие дела не терпят чужого глаза. Особенно мужского.

Снаружи по-прежнему висела жаркая духота. Выросшая на севере, Эльга по привычке ждала ночами прохлады, но в Полянской земле на макушке лета и ночью было тепло.

Во дворе ждали отроки Мистины, человек пять, с тремя лошадьми. На самой смирной кобыле сидела Ута. Скудота вел кобылу под уздцы, оберегая от малейшей возможности споткнуться. Другую приготовили для Эльги.

– Серп не забыла? – Мистина протянул ей поводья.

– Со мной, – Эльга слегка кивнула себе за спину, где висел небольшой берестяной короб.

Платок пригодился: сев в седло, Эльга накинула его на колени, чтобы не сверкать голыми ногами под задравшейся плахтой. Обычно она в таких случаях надевала плащ, заколов на плече, но к плахте он совсем не шел: селянки плащей не носят.

Передав ей поводья, Мистина заботливо расправил платок и, уже убирая руку, мимолетно коснулся ее ноги чуть выше щиколотки. Но когда она обернулась, собираясь возмутиться, то увидела лишь его спину и хвост длинных волос: он уже отошел от нее. Потом сел на своего коня и негромко свистнул отрокам: трогаемся.

Олегова гора, где стоял княжий двор, никаких укреплений не имела, и небольшой отряд из трех всадников и пятерых пеших проследовал по улицам и выдвинулся в поля, не привлекая ничьего внимания. Еще не полностью стемнело, воздух наливался синью. Сияла почти полная луна, и Эльга улыbnулась, глянув на нее: и впрямь, для ворожбы самое время.

По дороге через ближние поля и огороды почти никто не попадался: народ уже разбрелся по избам и готовился спать. Пора гуляний давно миновала, шел к концу сенокос, бабы днями пололи гряды с овощами и льница, готовясь вот-вот выходить на жатву. В рощах стояла тишина: даже птицы свое отпели. На лугах и полянах уже виднелись сметанные стога сена. Вблизи Киева, старинного населенного места, ничейной земли не оставалось совсем, все перелески и полянки, не говоря уж о пригодных под пашню участках, были давно поделены. Отаву выкашивали так чисто, что пришлось объехать несколько перелесков, разделявших полевые наделы, прежде чем нашлась уединенная прогалина с довольно высокой травой. С одной стороны ее обрамляла роща, с другой – делянка ржи.

– Вот здесь, пожалуй, – Мистина остановил коня. – Хватит вам столько?

– Для начала хватит, – согласилась Эльга. – Чьи это уголья?

– Радовековы. Где рожь – его земля, да эта роща, а там, за ручьем, уже Войнилины.

Отрок помог Эльге сойти с лошади, и первым делом она направилась к ржаному полю. Отломила колосок, потерла в ладонях, отчего они покрылись серой пылью, выбрала пару зернышек, положила на зуб и вдумчиво раскусила. Постаралась запомнить: вот таким должно быть зерно, которое готово под серп через несколько дней. У Радовековичей, должно быть,

это умеют определять не только большухи, но и девки, однако родичи Эльги на земле не работали, и жатву она видела только за рекой, в Выбутах, где обитали родичи Уты по матери. Ночная тьма пока дозрела лишь до половины густоты, среди сумерек сияла луна, и света хватало, чтобы разглядеть почти каждую травинку. Лошадей и отроков Мистина отослал в рощу, чтобы не торчали на глазах. Оставаться здесь собирались недолго, лошадей не расседывали, и оруженники лежали на траве, из-под ветвей наблюдая за жнищами. Мистина взял с собой самых доверенных людей. Альва и Ратияра Эльга помнила еще с того дня, когда посланец незнакомого жениха вытащил ее из владений Князя-Медведя. Ждан Борода на ее памяти за три года вообще ни разу не раскрыл рта по доброй воле, и лишь если ему задавали прямой вопрос, давал односложный ответ. А поскольку изъяснялся он весьма неразборчиво, то и желающих приставать к нему с разговорами не водилось. Эти люди не станут болтать, какой бы странной ни показалась им ночная вылазка. А если вожак не посчитает нужным объяснить происходящее, они даже мысленно не зададутся вопросами.

Сам Мистина сидел на земле под толстой березой и наблюдал за женщинами, покусывая длинную травинку.

Вынув серп, приступили к делу. В руках Уты дело шло отлично – раз-два-три, – и она поднимает в левой руке пук срезанной травы.

– Тебе не тяжело? – беспокоилась Эльга.

На время беременности сестра носила славянскую завеску, как раз и предназначенную скрывать растущий живот от дурного глаза, и еще почти ничего не было видно, и все же Эльга волновалась.

– Нет, ничего, – бодро отвечала Ута. – Я и черевьи сама себе завязываю. А на жатву простые бабы так и ходят до самых родов. Потому, говорят, и рожают прямо в полосе.

– Мы с тобой рожать в полосе не будем! – отрезала Эльга. – Дай я теперь попробую.

Она взялась за рукоять, теплую от ладони сестры, и левой рукой решительно ухватила пучок травы.

– Сначала режешь той частью лезвия, которая возле ручки, – подсказывала Ута. – Двигаешь рукой влево. Теперь руку к себе, режешь средней частью... теперь вправо – режешь дальние стебли... Вот!

Эльга победоносно подняла сжатый пук травы, будто голову поверженного врага. Даже засмеялась от радости: и правда, не так уж трудно. Главное, обрести навык, чтобы со стороны казалось, будто она всю жизнь этим занимается. Княгиня – это земля, она не может не уметь чего-то, что касается земли.

Оставив позади себя шагов десять сжатой травы, Эльга так ободрилась, что стала с воодушевлением поглядывать на окраину ржаного поля.

– А давай там попробуем, – она легонько подтолкнула Уту локтем. – Ведь колосья – это не трава. К колосьям тоже приладиться надо.

– Но как же, это ж чужое поле!

– Ну и что? Не разорится Радовек от трех горстей. Я же только попробую. С самого краю, где реденько.

На дороге Эльга на всякий случай огляделась: никого. Забрала в горсть с пяток редко торчащих на самой обочине стеблей. Они были жесткими и пыльными. Вспомнились грубые ладони на коричневых морщинистых руках тех большух, что приходили к ней: вот от этой работы они и становятся такими, с черными трещинами на пальцах, куда навек въедается земля. То, что для нее – приключение, почти развлечение, для них – привычный с юности необходимый труд. К жатве допускаются только бабы, и те, какие вышли замуж рано, могут попасть на ниву лет с пятнадцати. И до самой смерти, пока ноги носят и спина гнется, пока земля на руках не смешается с пеплом погребальной крады...

Эльга втягивала носом дух нивы и пыльных стеблей, тот особый запах зрелого колоса, который так веселит сердце землероба. Старалась войти в дыхание нивы, слиться с ним. Тогда у нее получится. Тогда ее примет эта земля, и эти бабы признают ее госпожой над ними – стройную, белокожую, с мягкими руками и иноплеменным выговором, от которого она не полностью еще избавилась.

Она срезала уже три горсти колосьев, как вдруг Ута рядом охнула в испуге и невольно схватила ее за плечо. Эльга дернулась от неожиданности и выронила серп. Но не заметила этого: разогнувшись, она увидела, как на другом краю полосы, у той стороны рощи, шевелятся какие-то крупные темные пятна. В груди оборвалось от внезапного испуга. Божечки, тчо это? Послышались звуки, похожие на визгливое рычание или скрипучее урчание.

Из рощи раздался свист.

– Ёж твою в киль! – рядом с ними вдруг оказался Мистина и схватил Уту за руку. – Бегом отсюда! Живо! Эльга, за мной!

В двадцать три года сын воеводы умел приказывать: сам голос его будто брал за шиворот и толкал в нужную сторону. Эльга втянула воздух: на опушке рощи копошились веппи, три или больше. Во мраке, под луной, они казались совсем черными. Самый здоровенный стоял, подняв большую голову, и приглядывался к людям; в белесых лучах блестели загнутые клыки на клиновидной морде.

Стиснув зубы, Эльга молча бросилась бегом за Мистиной. Он обернулся, убедился, что она послушалась, и устремился во тьму рощи. В эту пору у веппей есть детеныши, и животные держатся семьями; если вожак решит, что его сородичам угрожают, он бросится на людей, как смерч. А поскольку воевать отроки ни с кем не собирались, то и оружия никакого не взяли.

Сколько народу погибает по неосторожности при встречах с веппями! Эльга бежала, не чуя земли под ногами. Отроки мчались им навстречу; боясь обернуться, она птицей вспорхнула в седло и послала лошадь по тропинке. Рядом слышали негромкие окрики, шум, стук копыт.

– За мной! – Ее обогнал Мистина, у него на спиной сидела Ута, вцепившись в пояс мужа.

Сзади слышался топот третьей лошади: судя по звуку, на ней тоже кто-то ехал.

Проскакав шагов сто вдоль поля, они завернули за перелесок, и здесь Мистина, оглядываясь, придержал коня.

– Все! Эльга, стой!

Княгиня сбавила скорость, тоже оглядываясь с беспокойством. На третьей лошади сидел Скудота, остальные отроки догоняли их бегом.

– Все, уже не страшно, – повторил Мистина. – Они потеряли нас из вида, вдогон не побегут.

– А что будут делать?

– Жрать! – со значением произнес Мистина. – Альв!

Его отрок подошел и помог Уте спуститься на землю. Эльга тоже соскочила с седла и подбежала к сестре.

– Как ты? – Она обхватила Уту, будто боялась, что та упадет. – С тобой все хорошо? Тебе не худо?

– Нет, отчего же? – вполне спокойная, Ута лишь потирала спину и бедро, поскольку эти сто шагов проехала не в самом удобном положении.

– Ничего не болит? – настаивала Эльга.

Ее обливала холодная дрожь при мысли о будущем ребенке. Ингвар прав: Уте нужно беречь себя, а не разгуливать по ночам!

– Ты не очень испугалась?

– Да ладно тебе! – Ута тихо засмеялась. – После избушки Буры-бабы что мне какой-то веппь! Смешно даже!

Эльга обняла ее и так застыла. Да уж, не она, такая смелая и решительная, а скромная Ута провела несколько дней и ночей в избушке Буры-бабы за тыном с черепами, в окружении враждебных духов, наедине с полумертвой старухой-волхвой. Зная, что в сотне шагов отсюда лежит на полянке труп Князя-Медведя – со смертельной раной от сулицы под лопаткой и с разрубленной головой. И не она, а Ута пережила бой за Зорин-городец, гибель первого мужа, встречу с его победителем, потерю того дитяти, что должно было стать ее первенцем... К шестнадцати годам ее сестра приобрела такой опыт, какой другую совсем сломил бы. Но Ута была сделана из чего-то такого, что только закаляется под ударами судьбы.

Хотела бы Эльга убедиться, что сама сотворена не хуже. Но хорошо бы – не такой ценой. А можно ли иначе?

– Хватит, девушки, поедemте, – с легкой досадой сказал возле них Мистина.

И Эльга вновь вспомнила те жуткие мгновение после гибели Князя-Медведя. Тогда Мистина тоже сказал им: «Хватит, девушки, обниматься, мне завидно. Идемте отсюда».

Еще раз всех заверив, что чувствует себя не хуже обычного, Ута с помощью мужа осторожно поднялась в седло, и Скудота повел ее кобылу по дороге. Мистина ехал впереди, Альв вел лошадь Эльги, другие отроки шагали в хвосте. Теперь уже совсем стемнело: луна освещала дорогу, но близ рощи никакой травы они уже не разглядели бы.

– Вот ведь свинские свиньи! – возмущалась Эльга. – Думала, я всех вепрей под Киевом уже на варево и жаревое перевела, а тут вон – целое стадо!

– Проскочили как-то, – Мистина придержал коня и обернулся к Эльге, – а может, из других мест на свободные уголья подошли. И ты знаешь, – с мнимой небрежностью добавил он, – я думаю, не стоит князю рассказывать. А то он разволнуется... спать до утра не будет...

«А будет бранить нас последней йотуновой матерью», – мысленно dokonчила Эльга. Несмотря на внешнюю самоуверенность, Мистина тоже не хотел попасть под ураган княжьего гнева. А у нее и сейчас стыли жилы от мысли о том, что сестра могла бы от испуга скинуть дитя, не будь такой стойкой и закаленной. Никогда в жизни она бы себе этого не простила!

– Я не скажу, – вздохнула Эльга. – Стой!

Вдруг ее облило холодом, и она остановила лошадь.

– А где серп? Батюшки, я серп потеряла! – Вытаращенными глазами Эльга уставилась на Мистину. – Ой, лишенько! – полушепотом завопила она по примеру тех большух. – Я святой серп потеряла! Да лучше голову потерять! Поехали назад!

– Домой поехали! – оборвал ее причитания Мистина. – Доставлю вас по постелям, а парни потом серп найдут.

– А если кто увидит, как священное орудие нив полянских на обочине валяется? А если его вебри потопчут? Поехали сейчас!

– Сейчас там свиньи жрут и на поле нас добром не пустят. И не найдешь его сейчас в темноте. К рассвету развиднеется, тогда подберем. Да привезу я тебе серп, чтоб рука отсохла! – с досадой воскликнул Мистина, и Эльга вздохнула.

На самом деле возвращаться на поле, где угощаются вебри, ей не очень-то и хотелось. Только вспомнить, как блестели клыки под луной у того троллева свинюка...

Ута с отроками подождала перед воротами, пока Мистина доставил Эльгу до двери избы. Подошел, чтобы снять ее с лошади.

– Договорились? – спросил он перед этим, взявшись за луки седла, словно без подтверждения не собирался ей помогать.

– Ты руку заложил! – с мрачной решимостью шепнула Эльга. – Жду с серпом на белой заре!

Мистина пожал ее ногу возле щиколотки, но уже без всяких намеков, а просто какжимают руку в знак достигнутого согласия. И тут Эльга вспомнила, что Добретин платок тоже посеяла в той роще у поля.

Зять не подвел: на белой заре в дверь осторожно постучали, и Альв передал Добрете серп, завернутый в серый шерстяной платок. У Эльги, спавшей одним глазом, отлегло от сердца. Неслышно выскользнув с постели и задернув назад занавеску, чтобы Ингвар, если проснется, не увидел ее занятия, она заботливо вытерла серп ветошкой, мысленно прося у него прощения, даже помазала лезвие кусочком сала, чтобы не обижался. Завернув в рушник, спрятала в ларь. Обошлось!

Все было хорошо – еще целый день...

* * *

Назавтра три бабы из Радовековой веси по пути на льнище завернули посмотреть рожь и обнаружили следы потравы: половина делянки, уже готовой к жатве, оказалась изрыта вепрями. Везде виднелись отпечатки небольших острых копыт, колосья были смяты и втопты в перепаханную рылами землю. Половина урожая погибла безвозвратно. Помня недавние княжьи ловы, такого никак не ожидали: видимо, лесные свиньи пришли из иных мест.

Поднялся крик, а когда чуть не все родичи Радовека прибежали оценить размер беды, третий сын, Яруга, обнаружил, что на другом краю поля сжаты три горсти колосков. Эта часть посевов от вепрей не пострадала, и тоненькая сжатая полоска была хорошо видна.

А это уже совсем другая беда.

– Она, Беляница! – первой завопила Радовекова большуха, Немировна. – Она, змея лютая! Совсем загубить нас хочет, без хлеба оставить! Испортила нам поле, в свинью оборотилась и потравила! Не соберем и горсти зерна с этого поля!

– Целы ли другие? – воскликнул ее второй сын, Будята. – Бегом, братья, смотреть!

– К Белянцу бежать надо! – сообразил Радовек, поначалу опешивший. – Мать, если это и правда Беляница – есть средство какое доказать, что она виновата?

– У них в овине три колоска наших должно висеть, вот так связанных! – показала на пальцах его третья невестка, Яримча.

– Беги, отец, с парнями, посмотрите! Если висит...

– Да если висит, я из них никого не помиую! – рывкнул старший сын Радовека, Загреба. Родичи покосились на него, но промолчали.

* * *

Княгиня киевская готовила ржаное тесто. За приготовлением хлеба для ближней дружины и гостей она лишь надзирала и помогала потому, что не хватало женских рук, но хлеб для дома и семьи пекла сама от начала до конца. Свою закваску, жившую в горшочке, она считала одним из наиболее важных домочадцев и тайком разговаривала с ней по ходу дела, но так, чтобы никто не слышал. Хлебная закваска – душа дома, и общаться с ней имеет право лишь сама законная хозяйка.

Но сегодня она волновалась, так что даже немного дрожали руки. Сегодня ей впервые предстояло изготовить хлеб не просто для стола, а для подношения ниве перед жатвой. Добавила в опару теплой воды с медом и солью, грубую ржаную муку, размешала, выложила тесто на стол и размяла как следует. Вылепила шар, отряхнула лишнюю муку и положила в глиняную сковороду. Посыпала льняным семенем, сбрызнула водой, накрыла рушником и понесла поставить близ очага в поварне, пока топится хлебная печь.

А выйдя во двор, услышала гомон за воротами: мужские и женские голоса не то причитали, не то чего-то требовали. Ингваровы отроки снаружи преграждали незванным гостям путь. Эльга прошла к поварне, поставила сковороду под рушником на камни очага, где было тепло в нужной мере, и велела Миленке следить. Потом, отряхивая руки, подошла к воротам.

– Я вам говорю, тупые бабы! – доносился снаружи сердитый голос Гримкеля Секиры, десятского нынешней дворовой стражи. – Жалобы и тяжбы – в четверг на Святой горе! Нынче не четверг, и князь ваших дел разбирать не будет!

– Княгине! Княгине доложи! – вопили женские голоса. – Пусть она заступится за нас! Нельзя до четверга ждать, завтра же идти ниву зажинать, а у нас такая беда!

– Гевульв! – окликнула Эльга другого гридя рядом во дворе. – В чем там дело?

Упоминание нивы и зажинок встревожило ее: она и без того боялась, что по неопытности испортит самое важное за весь год женское священнодействие.

– Про порчу что-то гундят, если я понял, – Гевульв хмурился, вслушиваясь.

– Скажи Секире, чтобы пропустил пару человек, – велела Эльга. – Я хочу знать, в чем дело.

Гевульв ушел за ворота, что-то там сказал, гомон поутих. Гридь вернулся, ведя за собой двоих: старейшину Радовека и его жену, Немировну. Эльга знала ее: к ней она недавно послала с просьбой помочь определить готовность нивы. Помня, что эта краснорожая тетка ей полезна, она попыталась принять приветливый вид, чему несколько мешала тревога.

– И я, и я! – орал кто-то позади них. – И меня! Княгиня, вели пустить и меня! Белянец я, на нас вину тяжкую возводят, дай мне тоже слово сказать!

Но Эльга коротко качнула головой: сначала кто-то один. Ворота вновь закрылись, перед княгиней оказались двое селян. Сцепив кисти, Эльга стояла прямо и молча ждала. Сейчас на ней было простое варяжское платье из желтого льна и передник конопляного холста, руки в муке и никаких украшений, однако строгое лицо и величавая осанка не оставляли сомнений в том, что это и есть главная здешняя хозяйка.

Трое гридей подошли и встали по сторонам от нее, положив руки на пояса. На лицах их было написано пренебрежение и готовность немедленно выкинуть эту дрянь, что залезла во двор, стоит госпоже лишь нахмуриться. Радовек и баба притихли и низко поклонились. Когда они разогнулись, Эльга кивнула:

– Что у вас за беда, добрые люди? Говорите.

Это было не разрешение, а приказ.

– Княгиня, вели князю нас выслушать! – уже не дерзко, а жалобно заговорила Немировна. – Не пускают отроки, а мы совсем пропадай...

– Что вы говорили о зажинках? Я выслушаю вас.

– Испортили нам поле, княгиня! – заговорил Радовек. Это был крупный, полноватый мужчина с круглым, как блин, лицом, где на обвислых щеках росла полуседедая негустая борода. – Изрыли вепри, испортили совсем, половину жита загубили...

– А все потому что ведьма! – затараторила его жена, не в силах дожидаться, пока мужик дойдет до главного. – Порчельница, пережинщица, испортила нам поле, мы вот этими своими глазами видели, как она колосья подрезала!

В лице Эльги не дрогнул, как она надеялась, ни единый мускул, но внутри плеснуло холодом и сердце рухнуло куда-то вниз. Даже стоять прямо ей сейчас стоило труда. Ее видели той ночью на поле? А если видели, то винят в порче? Возникло чувство, будто она катится в пропасть и тащит за собой весь этот двор и гридницу с Ингваром и всей дружиной.

Княгиня-ведьма! Такое бывает только в страшных сказках, где князьему сыну пакостит злая мачеха. Неужели ей придется примерить платье этой злыдни? Эльга была готова надавать самой себе поленом по голове за глупость и легкомыслие. Как она не подумала, что ее невинное «обучение» на краю чужого поля может быть принято за пережин – ворожбу-порчу. А то и, сохрани Мокошь, и послужить этой порчей! Даже потеря старинного серпа по сравнению с этим выглядела бы мелкой небрежностью без злого умысла.

Ингвар убьет ее и будет прав. Ей, жене и княгине, трудно было бы придумать средство посильнее, чтобы загубить мужу начало княжения в чужой земле.

– Что вы видели? – ровным голосом спросила она, лишь чуть сильнее стиснув побеленные мукой пальцы.

– Вдоль поля краешек выстрижен, – Немировна показала руками как бы вдоль краешка, – ровно три горсти колосьев! Точь-в-точь как пережинщицы делают! Остались теперь дети наши без хлеба на ползимы!

– Вы видели, как ведьма делала это? – с нажимом уточнила Эльга.

Одолевая ужас, она хотела точно знать положение дел.

– Видеть не видели, да разве бы мы дали ей такое зло творить? – Радовек воздел руки. – А что край поля выстрижен на три горсти – это правда, Велесом клянусь!

У Эльги отчасти отлегло от сердца. Если ее саму на поле никто не видел, есть надежда вывернуться.

Да и если бы видели, то говорили бы о двух ведьмах-пережинщицах – она ведь была там с Утой!

– А все она, змея клятая, Беляница! – в это время воскликнула Немировна.

– К-какая Беляница? – вымолвила Эльга, стараясь не показать, как удивилась при этом незнакомом имени.

– Сноха наша... бывшая! Вдовая! – перебивая друг друга, пояснили муж и жена.

– Как это – бывшая? – не поняла Эльга.

– Отправили мы ее назад к отцу! К родичам! Пусть забирают ведьму свою!

– И про приданое пусть не заговаривают!

– И внуков не отдадим! Еще чего выдумали – ведьме детей отдавать, чтобы своей же родне зла желать научила!

– А она вот так и отомстила – поле нам испортила, без жита оставила!

– Так вы давно знали, что она ведьма? – нахмурилась Эльга. – Ваша сноха?

Слов звучало много, но дело не становилось яснее. Может, она вовсе ни при чем? И какая-то неведомая злыдня на чужой ниве потрудилась?

Да нет же, поправила Эльга сама себя, Мистина сказал, что это было Радовеково поле. И явившихся на него вепрей они видели сами. Ведь в самом начале, кажется, Радовек что-то говорил о вепрях?

– Ну... – старейшина переглянулся с женой. – Знали мы, что она того... дурная баба...

– Что здесь творится? – раздался рядом знакомый повелительный голос. – Кто тут докучает княгине?

Эльга обернулась: в двух шагах стоял Мистина, упиравшись руками в бедра и глядя на Радовека с таким выражением, будто прикидывал, чем поддеть этот кусок дерьма, чтобы выбросить подальше, не замаравшись.

– Ты чего, Радовече, с бабой на два голоса поешь? – Это выражение лица он приберегал для людей, коим требовалось указать их место – у самых подошв его высоких «датских» башмаков. – Петухи давно откукарекали, припоздал ты немного. Или у тебя еще один сын другому лоб проломил?

Эльга раскрыла глаза, и Радовек снова поклонился:

– Прости, воевода. Это все... того... Беляницу-то мы тогда выгнали, а ее родня стала с нас приданого ее требовать, да детей отдать... Мы не даем – кто же даст такой дурной бабе... Князь-то, отец наш, нашу сторону принял, потому как за нами правда дедовская...

– погоди! – остановила его Эльга. – Свенельдич, ты мне хоть толком расскажи, в чем дело?

И бросила ему выразительный взгляд: это хвост за нашим вчерашним выходом тянется!

Мистина приопустил веки, будто успокаивая: знаю. И пояснил:

– У Радовека младший сын подрался со старшим из-за своей жены, и тот его зашиб насмерть. Они сноху отправили к ее родне назад. Ее родитель, Белянец, недели две назад при-

ходил с жалобой, что дочь обратно прислали, а ни приданого ее, ни внуков не отдают. Они же отвечали, что баба сама виновата, братьев поссорила, а родителей сына через свое распутство лишила, потому ничего они не отдадут и пусть скажет спасибо, что отпустили живой. Побой не в счет. Я все правильно помню? – спросил он у Радовака.

– Так оно и было, воевода! – Тот снова поклонился. – Князь тогда рассудил по совести, по правде, Белянец, сволочуга, ни с чем ушел, да вон не унялся!

– Испортили поле! – осмелев, вновь заголосила Немировна. – Голодными детей оставили! Княгиня, заступись за нас, прикажи ведьму наказать! Пока жива она, никому хлеба не будет, а нам завтра нивы зажинать! Разгневаются боги, пошлют бури с градом, вся земля Полянская...

– Рот закрой! – гневно крикнула Эльга, не успев подобрать более уместных в устах княгини выражений. – Пузо наела, будто копна, а ума не нажила! Как ты смеешь такие слова за день до зажина говорить! Простите, боги, бабу глупую! – Она подняла глаза к небу, потом низко поклонилась, чтобы сразу было ясно, что кланяется она небесным богам. – Не оставьте нас милостью, научите беду избыть! Кань, слово дурное, слово глупое, в землю черную, как следа на воде нет, так бы и того слова дурного следа не было!

Она сделала движение рукой, будто закапывает в землю двора саму Немировну. Не оборачиваясь, почувствовала легкую усмешку Мистины – одобрительную.

– Простите, боги! – промямлила пристыженная Немировна и тоже поклонилась вместе с мужем. – Так ведь страх какой... ум отшибло...

– Вижу, – Эльга скрестила руки на груди. Потом обернулась к Мистине: – Так ты, воевода, говоришь, что у них в роду было братоубийство и это дело разбиралось князем?

– Не совсем так. У них в роду было братоубийство, но у князя разбиралась жалоба отца снохи, что не возвращают приданое.

– И князь решил, что она не должна его получить?

Мистина кивнул, но Эльга уловила в его взгляде проблеск неуверенности. Похоже, суть дела, обозначенная ею как братоубийство, предстала пред ним в этом свете лишь сейчас.

– Порчу поля и опасность для жатвы так оставить нельзя, – сказала Эльга. – У князя много народу?

Она взглянула на Мистину, и он понял, чего она хочет.

– Если ты желаешь, княгиня, я попрошу его допустить этих людей.

– Попроси его от моего имени, и пусть эти люди обождут возле гридницы. Я скоро приду, у меня есть часок, пока тесто отдыхает.

Она направилась к жилой избе. Гримкель Секира, от ворот слушавший эту беседу, крикнул ей вслед:

– Госпожа, а Белянца прикажешь пропустить?

* * *

– И не допущу я этих вупырей к себе в овин, хоть они приступом иди! Ты, княже, пошли отроков твоих, им все покажу!

Белянец был высокий, почти седой мужик с костистым лицом и круто заломленными черными бровями; Эльга мельком подумала, нет ли у них в роду хазарской крови. Она сидела в гриднице по левую руку от Ингвара, одетая в хенгерок из тонкой шерсти нежно-зеленого цвета. Сама красила: крапива, череда, крушина с добавлением ржави. На нем особенно красиво смотрелись позолоченные наплечные застёжки и ожерелье из чередующихся темно-зеленых и желтых бусин. Две бабы – Немировна и Красиловна, большуха Белянца, то и дело косились на ее платье и узорочья: красота и богатство княгининого убранства отвлекали их даже от того дела, с каким явились.

– Да что к ним теперь ходить, они уж колоски-то попрятали! – возражала Немировна. – Ты, княже, отроков на наше поле пошли, пусть посмотрят, как там край выстрижен!

– Хрольв! – Ингвар глянул на десятского. – Возьми пару дренгов, съездите посмотрите это поле.

Вид у князя был хмурый: ему не нравилось разбирать дело о ворожбе.

– И пусть сосчитают колосья, – добавила Эльга, мысленно моля богов, чтобы муж не вспомнил о «ворожбе», на которую сам ее проводил вечером накануне. – Сколько срезано и сколько рядом лежит на земле. Если счет сойдется, стало быть, никто не забирал трех колосков и не вешал в овине. Идите прямо сейчас с этими людьми...

– Вместе с ними! – Мистина выразительно глянул на Хрольва, имея в виду: не выпуская их из виду, чтобы не спрятали три колоска.

– Да все она, ведьма проклятая! – твердила Немировна, явно обеспокоенная предстоящим подсчетом.

– Сама ты ведьма! – кричала ей Красиловна, рослая и худощавая старуха. – Сами вы злыдни, сыновей в уважении вырастить не можете, а у вас потом люди виноваты, кто сам же и пострадал! Через вас моя дочь вдовой осталась опозоренной, а вы на нее еще такую вину возводите! Бабу мужа доброго лишили, детей родных отняли, приданое не отдают! Да избили всю, она еле жива пришла! Род наш славы лишили, а за нами от веку худого дела не водилось! Вы разбойники лихие, а не люди! Княгиня, прикажи привести к тебе Беяницу! Пусть она перед ликами богов на Святой горе тебе ответ даст!

– Да как не постыдится твоя змеюка перед богами предстать! Да ее молнией Перуновой на месте сожжет, только подойдет!

– Тебя сожжет!

– Тебя! Язык твой бесстыжий!

– А ну молчать! – рявкнул раздосадованный Ингвар. Только бабьей свары в гриднице ему не хватало. – Я сказал! Подите все отсюда, а как вернутся мои люди с поля, будем дальше судить. Разорались тут!

Хрольв ушел с тремя гридями, уводя с собой селян. Теперь Эльга уже разобралась в существе дела. В первый раз Беянец приходил с жалобой в один из тех дней, когда она целыми днями смотрела за разделкой веprinых туш, вытопкой сала, копчением окороков, мытьем, выскребанием и опаливаем ножек и голов для холодца. Только поэтому такое странное и неприятное дело, как драка родных братьев из-за жены, могло пройти мимо нее. Беянец и его баба клялись, что дочь, отданная замуж за Червеца, младшего сына Радовека, уже давно жаловалась, что ее домогается старший деверь – проходу не дает. И вот однажды Загреба подстерег бабу в хлеву и завалил на солому, задрав подол; крик услышал ее муж, однако старший брат так швырнул его об стену, что проломил голову. День пролежав в беспамятстве, Червец отошел к дедам. Убитые стыдом и горем родичи нашли выход чувствам, обвинив бабу: дескать, завлекала. Но если завлекала, то к чему ей было бы кричать? – возражал Беянец. Избитая Беяница убежала к родичам, и Беянец потребовал от ее имени выкупа за смерть мужа, возвращения ее приданого и детей. И пошел с жалобой к князю. Однако Ингвар рассудил, что убийство внутри рода касается только рода, дети тоже принадлежат роду, а приданое пусть вернут. Однако и с этим Радовек не спешил: Червец женился пять лет назад, большая часть принесенных женой вещей уже пришла в негодность, и чтобы вернуть то же количество сорочек и полотна, пришлось бы опустошить скриню с приданным дочери.

Эльга жалела, что не услышала об этой тяжбе вовремя. На ее взгляд, Ингвар решил не лучшим образом.

– Если люди могут без князей решать такие дела, как жизнь и смерть, то в чем тогда наша власть? – сказала она, когда поселяне уже ушли и в гриднице остались только свои. – Какого

повиновения мы должны от них ждать, если они могут насиловать своих невесток и убивать братьев, и это будет их семейным делом?

– Да если братья вместе живут, бывает, что братовых жен пользуют понемногу, – хмыкнул Мистина. – Но обычно без шума. Свои же люди...

– Мне плевать на жизнь и смерть всякого смерда, – отвечал Эльге Ингвар. – Он принадлежит своему роду, а вот род принадлежит мне! Род будет делать, что я скажу. В этом и состоит моя власть. А их власть отцов и старших братьев – катать по сему хоть невесток, хоть кого, меня не касается.

– Ты не так рассуждал, когда посылал Свенельдича за мной, – Эльгу задело это рассуждение. – Я здесь потому, что я сама так решила. Если бы я позволила, как ты говоришь, чтобы мной распоряжался род, то я бы сначала год просидела в лесу с медведем, а потом вышла за Дивислава, – понизив голос, чтобы не слышали гриди, напомнила она.

Упоминание о пользовании братовых жен Ингвару тоже не понравилось: это был не тот предмет, который уместно обсуждать между мужьями Эльги и Уты. Он спокойно раздал своих полонянок в жены десятским и еще шутил, что они, дескать, ему теперь «как зятья», но мысль о том, что побратим взял в водимые жены женщину, которая хоть недолго, но была его, Ингвара, наложницей, саднила душу. Томило смутное ощущение, что это ему еще аукнется каким-то неприятным образом, хотя по виду все в семье шло гладко.

– Ну, увозить тебя с дракой я ему не приказывал, – Ингвар бросил хмурый взгляд на Мистину.

– Сразу бы сказал, что недоволен, я бы отвез ее обратно, – усмехнулся тот. – Но три года назад, если помнишь, ты очень хотел жениться на старшей племяннице Вещего и не заботился, каким путем я ее добыл. И неужели любовь ее родни согрела бы тебя так же...

– Хватит! – осадила его Эльга, которой вовсе не хотелось, чтобы тепло ее любви к мужу обсуждалось в гриднице.

– Я с ними едва помирился потом! – недовольно хмыкнул Ингвар. – Едва прикрыл твою задницу, – он снова глянул на Мистину, – а то они за своего волхва могли бы и отомстить...

– Не могли! – быстро возразил Мистина. – Волхв обитал на том свете: он был вне рода, вне племени, вне Яви и света белого. Ни один род и племя не имел право на месть за него. Мы поговорили об этом с Белояром, все и уладилось.

– Вот как! – воскликнула Эльга.

– Я не знал! – одновременно с ней удивился Ингвар.

– Я ему объяснил, что если они попытаются мстить за того, кто и так был мертв, как за своего живого родича, то Навь посчитает своим все племя северных кривичей. Они не стали подвергать себя такой опасности. Умные люди, – одобрительно добавил Мистина. – Ну и, возможно, у них нашлись другие причины пожелать, чтобы мир был достигнут как можно скорее...

Эльга не повернула головы. Но и так чувствовала его взгляд – насмешливый и дерзкий, намекающий на то, о чем она хотела бы забыть – а еще больше хотела, чтобы забыли в Киеве. Когда вслед за похищенной девушкой в Киев приехали ее плесковские родичи, здесь всюду ходили слухи, будто по дороге Мистина получил от Эльги то, что дружинные скальды называют «дружбой бедер». Белояру и Асмунду, ее двоюродным братьям, не раз тогда случилось подраться с болтунами, и кое-кому эти разговоры стоили жизни. Понимая, что дракой и прочим шумом позорящие девушку слухи можно лишь подкрепить, но не опровергнуть, родичи быстро приняли мудрое решение: полный мир с Ингваром и скорейшая свадьба.

Поношения оказались напрасны, и в этом весь Киев смог убедиться своими глазами. Запятнанный кровью настилальный со свадебной постели Эльги был вывешен на тын, как это делают и в самых глухих весях. Честь ее была восстановлена, брак заключен, и Мистина, казалось, радовался этому едва ли не больше, чем сам новоявленный муж. Уже потом, когда все

успокоились, Эльга сообразила: убедившись, что извлечь выгоду для себя не получится – кусок все же был не по рту, – Мистина обернул заваруху к выгоде побратима. В итоге его никто ни в чем не винил, а брак с сестрой Эльги, тоже племянницей Вещего и княжеской вдовой, стал для него утешением и наградой.

Но и по сей день Эльгу не оставляло сомнение: так кто же кого тогда одурачил?

И хотя Мистина не состоял с Ингваром в настоящем кровном родстве, а был ему всего лишь побратимом, мысль о вражде между братьями из-за жены отдавалась в сердце Эльги таким тревожным звоном, будто эта беда и от нее ходит не так далеко.

Но она гнала подозрения. Она знала Ингвара и Мистину всего три года, а они знали друг друга с раннего детства, то есть лет двадцать. И если Мистина выбрал быть на стороне своего товарища-князя, то он сам будет следить, чтобы не испытывать мир между ними на прочность.

Однако помнить об осторожности не помешает. Нет, о дружбе ее бедер названный деверь (как еще назвать побратима мужа?) может и не мечтать. Но необязательно в чем-то провиниться, чтобы о твоей вине начали говорить. В этом Эльга уже убедилась на собственном опыте.

– Ингвар, – она обернулась к мужу, желая вернуть его мысли к делу. – Этот случай нельзя так оставить. Братоубийство не может быть заботой только своего рода. Что же, этот несчастный младший брат – теперь не человек, если он младший?

– Без своего рода – нет. Я имею дело с их отцом, и мне все равно, сколько у него сыновей. Я не лезу в его дела, а он взамен делает так, чтобы все его домочадцы поступали так, как надо мне.

– А я? – В смарагдовых глазах Эльги сверкнула обида. – Тогда и я тоже была не человек, пока ты объяснялся с моими родичами?

– Ты? – Ингвар поднял брови. – Ты вообще женщина, какой же ты человек?

– Иногда и женщина – не говоря уж о человеке, – может привести целый род туда, куда нужно! – Мистина слегка подмигнул Эльге, будто намекая, что он на ее стороне. – С нашей княгиней получилось именно так.

– Если этот братоубийца останется в роду, а Радовек будет являться на Святую гору и пировать в общине, получится, что все поляне и русы приносят совместные жертвы с братоубийцей, – настаивала она, вопреки своему благоразумному решению ободренная этой поддержкой. – И боги проклянут нас всех заодно с ними!

– Ну, так и что я теперь должен сделать? – Ингвар посмотрел сначала на нее, потом на Мистину. – Взять того мужика и казнить?

– Потребовать, чтобы род его изгнал, а иначе мы не допустим их старейшин на Святую гору, – предложил Мистина. – Если ты казнишь его, это восстановит против нас и Радовека, и еще много кого. А так пусть сами решают, что для них важнее: этот похотливый шиш или боги.

– А что там с ворожкой-то было, я не понял? Была ворожба?

– Хрольв вернется – узнаем, – так деловито ответил Мистина, что никто и не заподозрил бы его в причастности к делу.

* * *

Увлеченная всем этим, Эльга едва не пропустила время, когда настала пора сажать хлеб в нагретую печь. Потом сидела рядом, смотрела на печь и думала, надеясь, что тройственный совет земли, хлеба и огня наведет на верные решения. Ее вину невольно взяла на себя другая женщина, которой и так пришлось нелегко. Еще не видя Беяницы, Эльга готова была согласиться с ее отцом: зачем та стала бы кричать, если сама завлекала старшего деверя? И жаловаться родителям? В чужом роду разбирать, кто кого домогался – дело неблагодарное: правды, может, и не отыщешь, а замараешься обязательно.

Но вот хлеб испекся. Эльга вынула хлебную сковороду из печи, легонько постучала лезвием ножа по корочке каравая – звенит! – выложила на доску, вместе с доской завернула в рушник и унесла в избу. Потом вернулась в гридницу и кивнула Мистине: подойди.

– А если счет колосков не сойдется? – шепнула она. – Я не хочу, чтобы бедную бабу утопили.

И взглядом добавила: из-за меня.

– Если княгиня пожелает, то счет сойдется! – заверил Мистина, будто иначе и быть не могло.

И даже подмигнул.

– Ты сказал Хрольву... – сообразила Эльга.

– У нас все сойдется, как у жидина Егуды с его греческой дощечкой! Хотя болтовни теперь не миновать. Если уж слово «порча» было сказано, сейчас вся волость от страха пустит «теплого» в портки. Но ты не печалься! – добавил он, видя беспокойство на лице Эльги. – Для тебя это даже лучше.

– Лучше?

– Порчу надо снимать. Ты сделаешь это.

– Я не уме... – начала Эльга и умолкла.

Для начала, она умеет. То есть знает как – ее учили. Она-то, родная внучка Буры-бабы, не сможет снять порчу? К тому же такую, какая лишь мерещится.

– Но погоди... – Новая мысль отвлекла ее от перебора способов. – Если порча все же есть, значит, есть и ведьма-порчельница. Если это не Беяница... – «и не я», добавила она мысленно, – кто же тогда?

Мистина посмотрел на нее, приподняв брови. Потом обронил:

– Есть кое-какие догадки. Кто виноват, тот и ответит.

И ушел, на ходу сделав знак Альву и Доброшу следовать за ним.

Эльга проводила его глазами до самой двери. Так кого же он, скажите на милость, имел в виду?

* * *

Хрольв вернулся, прояснив дело лишь наполовину. В овине у Беянца никаких скрещенных колосков не нашли, но на краю поля насчитали аж на девять больше обрезанных стеблей, чем подобрали колосков. Все остальные тщательно собрали, и Хрольв привез их княгине как доказательство.

– Пусть ее, ведьму, водой испытают! – требовал Радовек.

– Тебя вместе с ней! – возражал Беянец. – Против нас нет ничего, княгиня, он нас винит – пусть его баб с моей вместе в воду бросают!

– Мы ведьму отыщем, – заверила Эльга. Ингвар оставил ее разбирать это женское дело, и она сидела на своем престоле слева от пустующего княжьего, согретая чувством гордости. – Непременно. Но главное сейчас не это.

Она убедилась, что оба старейшины смотрят на нее в напряженном ожидании, и продолжила:

– Главное сейчас – снять порчу, чтобы нивы наши не пострадали и урожай не оскудел. Пусть все ваши бабы, Радовече, придут к полю нынче на закате...

Тут она взглянула на Мистину и запнулась: он буйно мотал головой.

– Позволь подсказать, княгиня, – поспешно вставил он, – нынешним вечером лучше у богов совета спросим, где злодеев искать. А порчу снимать – завтра. День будет удачнее.

– Так и поступим, – Эльга неуверенно кивнула, не понимая, зачем ему понадобилась эта отсрочка, но закончила твердо: – Мы спасем жито земли Полянской, люди, не тревожьтесь.

Вечером Эльга пожелала навестить Уту: поделиться всем пережитым за день и посоветоваться насчет снятия порчи. Конечно, можно было найти советчиц и поопытнее, но Эльга была еще слишком молода и слишком недавно стала княгиней, чтобы кому-то другому, кроме сестры, сознаться в своем незнании. Она – родная племянница Олега Вещего, а стало быть, в свои восемнадцать лет обязана быть мудрее, чем иные в сорок.

Мистина проводил ее к себе домой, на Свенельдов двор. В былое время Эльга часто навещала Уту и никто не обращал на это внимания, но теперь все изменилось. Теперь не сестра приезжала к сестре, а княгиня – к жене сотского. Иногда Эльга вздыхала, вспоминая, как легко было им, девочкам, перебежать из одной варягинской избы в другую, даже зимой накинув лишь большой серый материн платок, и никто не обращал на это внимания. Теперь же посланный вперед отрок предупредил хозяев, и, когда Эльга въехала на воеводский двор, там ее уже ждали. Сам Свенельд стоял перед своей избой, с одной стороны от него Ута, с другой – Владива, ключница и заодно Свенельдова хоть¹⁰. Настоящая жена его, Витислава, дочь ободритского князя Драговита, умерла молодой много лет назад, еще до того как Свенельд перебрался в Киев, и Эльга никогда ее не видела.

Иногда она пыталась представить себе мать Мистины, но ничего не получалось. Если бы не склонность Свенельда упоминать о знатной родне со стороны жены, Эльга решила бы, что однажды воевода просто обнаружил младенца в своем щите, как селяне якобы находят чад в капустных грядках.

Обширный воеводский двор не уступал иному князьему, а по числу построек и населения легко потягался бы со многими городцами. Так же стояли по кругу многочисленные избы: жилье старого хозяина и молодой четы, изба покойной Держаны, где теперь жили дети, «децкие» избы – для пяти десятков собственной Свенельдовой дружины и челяди, его гридница, и разные хозяйственные постройки – клетки для припасов, поварня, кузня, конюшня и скотный двор.

Отроки и челядь, хоть и видели княгиню нередко, выстроились, чтобы поклониться ей. Во дворе играла целая орава детей; частью отпрыски челяди, частью – питомцы Уты, в том числе чада трех княжеских семейств. При виде знатной гостьи дети бросили игры и застыли, тараща на нее глаза. Старшей среди них была Дивуша, тринадцатилетняя дочь Дивислава; она собрала мелких в кучку и шепотом подсказывала: надо поклониться. Даже самая маленькая, пятилетняя древлянская заложница Деляна, сосредоточенно тарасилась на княгиню. Все они знали, что эта молодая, такая красивая и нарядная женщина, для них все равно что Мокошь – госпожа над их судьбами.

Воевода Свенельд – рослый мужчина лет пятидесяти, уже погрузневший, хотя не толстый, с седеющими волосами и суровым видом, кланялся Эльге с подчеркнутой почтительностью. Он сам сделал ее княгиней в Киеве, но первый своим обращением подчеркивал весомость этого события. Эльга тоже держалась с ним очень любезно и даже с оттенком дочернего почтения. Этот человек имел огромное влияние на русь – дружины признали своим вождем того, на кого он указал.

Ответив на приветствие хозяина, Эльга вместе с Утой прошла в избу. При себе молодая чета держала только двоих собственных чад: двухлетнего Улебку и годовалую Святанку. Мистина двинул бровью, и челядинка, забрав Улебку, вышла. Ута заглянула в зыбку, где спала девочка, и снова села на скамью к натянутой основе. Она ткала трехцветную тесьму при помощи деревянных дощечек; обычно готовый конец привязывают к своему поясу, но Ута приладилась цеплять его за крюк в стене, чтобы сразу можно было встать, если понадобится подойти к детям.

¹⁰ Хоть – наложница, младшая жена (не хозяйка дома); также в смысле «любимая».

– Ты зачем наше дело до завтра отложил? – спросила Эльга, едва за челядинкой закрылась дверь. – Покончить бы побыстрее!

– Не суетись – не блоху ловим. Нужен еще хотя бы день, чтобы слухи разошлись по округе. Сегодня обо всем этом слышали только ближайшие соседи, а завтра будут знать все десять городков.

Да уж, отличное дело – дать пожару как следует разгореться, прежде чем тушить.

– Хочешь, чтобы все десять городков успели пустить «теплого» в порты? – пошутила Эльга, стараясь увидеть в этом тревожном деле хоть что-то веселое.

– Истину глаголешь! – торжественно подтвердил он.

– Ты что-то задумал, – заметила Ута, видевшая, что ее мужа снедает тайное возбуждение, от которого его блуждающий по сторонам взгляд стал многозначительным и отстраненным.

– Сегодня, подружие моя, я дома не ночую, – Мистина подмигнул Уте.

– Куда это ты наладился? – удивилась Эльга и только потом сообразила: она задала этот вопрос вместо Уты.

– По чужим бабам пойду! – Мистина ответил таким взглядом, что ей стало неловко. Но потом добавил: – Если до утра не вернусь, стало быть, поле осталось за тем оборотнем-порчельником!

– Так мне вопрошать богов о виновниках? – крикнула Эльга ему в спину, когда он уже повернулся к двери.

– Лицо загадочное сделай – этого пока хватит.

С этим он ушел, а Эльга сочувственно посмотрела на Уту и вздохнула:

– Ох, родная моя! Сама думаю порой: а добро ли я тебе сделала, что за него выдала?

Эльге уже не раз приходило в голову: при всей чести и богатстве, доставшихся сестре, быть замужем за Мистиной довольно утомительно. Особенно для Уты, которая во всем любит лад и покой. Но как возможен лад в доме, где муж вечно витает мыслями – а часто и телесно – в каких-то недоступных жене областях? Сколько Эльга могла судить, в супружестве сестры внешне все шло гладко. Но, как она понимала, лишь потому, что Мистина вовсе не обращал внимания на домашние дела супруги, а Ута не совалась в его заботы. Свенельдич считал Уту очень хорошей женой: в доме, у отроков и для гостей всегда имелось все нужное, дети бегали здоровые и веселые, и он мог об этом не задумываться, за что и был ей благодарен.

Однако Эльга не посчитала бы собственный брак счастливым, если бы не знала, что у мужа на уме. Но в те дни, когда устраивалось замужество Уты, не было ни времени, ни возможности решить по-другому. И, будучи перед собой честна, Эльга понимала: именно ей брак Свенельдича с ее сестрой принес наибольшие выгоды. Этот человек мог быть как очень полезен, так и очень опасен, в том и другом они с Ингваром убедились на опыте. Брак с Утой привязал его к Ингвару цепью второй кровной связи. А женись Мистина на ком-то другом – теперь Эльге приходилось бы как-то ладить с женой второго человека в дружине. Какова бы та оказалась? Как бы влияла на мужа, а через него – на Ингвара? Теперь же Эльга могла быть спокойна – в доме Свенельда у нее есть вернейший союзник. Думая об этом, она испытывала к сестре благодарность и желание сделать для нее что-нибудь хорошее. Но что? Ута была равнодушная к паволокам и низкам, ее радости составляли дом и дети.

– Наверное, ты тоже порой кажешься Ингвару такой же непонятной, – мягко улыбнулась Ута.

Эльга не смогла возразить: всего лишь на днях она сама так же ушла из дома на ночь глядя и лишь отшутилась, не сказав куда. Ингвар еще очень покладистый муж, если позволяет ей такое!

Уж она-то не отпустила бы его неведомо куда позно вечером!

– Если Ингвар узнает, как мы ночью прогулялись на поле к вепрям, *мне* небо покажется с овчинку, – прошептала Эльга, хотя никто не мог их слышать. – Смотри, не проболтайся ему!

Сейчас она чувствовала себя стоящей на тонком льду в окружении разломов и черной воды. Если она хоть раз ступит не так, то погубит и себя, и мужа. А Мистина, который единственный мог оказать ей действенную помощь, помахал рукой и исчез, пообещав всего лишь, что все будет хорошо. Но ей-то он не муж, с него она не может требовать ответа!

И кто ей так напрял на кривое веретено, что именно с побратимом Ингвара ее все время связывают какие-то опасные, неприятные общие тайны! Когда-нибудь их наберется столько, что княжеская семья окажется у него в руках.

Или это проклятье Князя-Медведя так сказывается?

Но того, на чем попадают глупые бабы, теряющие разум перед ловкими молодцами, она не совершит никогда! Эльга сжала руку сестры, будто заключая с ней молчаливый клятвенный уговор.

Ута охнула.

– Ой, прости! – Эльга вскинула глаза, думая, что сделала ей больно.

– Шебуршится! – шепнула Ута и прикоснулась к животу под завеской.

И такая солнечная улыбка осветила ее миловидное лицо, что Эльга невольно ей позавидовала. Они вышли замуж одновременно, но у сестры скоро будет трое детей, а у нее по-прежнему один.

О боги, но как она справлялась бы со всем этим, будучи в тягости! Головная боль, тошнота, неловкость, тоска – и тут эти хлебы, серпы, бабы, раздоры и судилища! Нет, пряхи-удельницы, не сейчас...

* * *

Эльга не знала, когда Мистина вернулся домой. Сама она ночь и следующее утро провела в беспокойстве. Ингвар даже утешал ее, думая, что жена боится не совладать с таким важным делом, как снятие порчи с полей, но вот об этом Эльга волновалась меньше всего. Сначала они по недомыслию влезли в неприятности, а теперь, как она почти не сомневалась, Мистина уже нарочно заводит все дело в еще более опасные топи. Зачем? Она уже и хотела посоветоваться с мужем, но не решалась ему признаться в своей ночной прогулке на чужое поле. Ингвар будет сердиться – это точно, а вот сумеет ли помочь? Причем гнев его обрушится на двоих – жену и побратима, а Эльга не хотела в глазах Ингвара оказаться в чем-то заодно с Мистиной.

И пока ее дурные предчувствия оправдывались. Уже к полудню за воротами княжьего двора гудела толпа. Собрались люди из разных весей на целый дневной переход по обе стороны Днепра. Все уже знали про порчу, а кое-кто – и больше самой Эльги. Ингвар даже послал Хрольва с десятком отроков опять к Белянцу – охранять от возможной расправы напуганной толпы. Ибо, как он сказал, громить и убивать здесь имею право только я.

– Попортили и нам поле нынче ночью, – докладывал старейшина Тихонег, допущенный отроками к князю и княгине. – Обстригли с трех сторон делянку, и кабаньи следы видели мои отроки в лесу. Правда ли, что это баба, Белянцова дочь, свиньей оборачивается и поля портит?

У Эльги упало сердце, от страха перехватило дух. Нынче ночью она сидела дома, как пришитая, и больше ничьих полей не стригла! Что это значит, боги, – под Киевом появилась другая ведьма? Настоящая? И она, Эльга, своим недомыслием открыла злыдне дорогу к нивам полянским?

На паленый запах беды собрались бабы со всей округи – все те, кому положено сейчас готовить угощения и вострить серпы для завтрашнего зажина. Эльга велела допустить во двор старших женщин из пришедших. В гридницу бабам ходу нет, но княгиня разрешила им разместиться вдоль длинных столов под высокой кровлей поварни. Все двери отворили, чтобы было светлее; отроки наблюдали из тенька под стеной гридницы и ухмылялись: бабий тинг! Эльга села во главе стола. Голые доски перед ней были чисто выскоблены и пусты, однако семена

истинного происшествия успели дать такой богатый урожай слухов, что она быстро ощутила себя сытой по горло.

– Говорят люди, что видели ее, Беляницу! – уверяла Войнилина большуха. – Будто ходила она кругом поля, сама голая, волосы распущены, колосья резала и заговаривала: дескать, хворобу твоей худобе, – баба прикрыла рот рукой, будто вынужденно произносила непристойности, – кто будет жать, того будет таскать, кто будет молотить, того будет колотить, кто будет ясти, того будет трясти...

– А вы не догадались у своего поля сторожей поставить? – удивилась Эльга.

– Мы-то поставили! А люди не поставили, вот она и явилась!

– Какие люди?

– Мне сноха сказала, а ей ее сестра передала, она к Ковалям ближе живет! – Войнилиха махнула рукой в полуденную сторону.

– А у нас ребята видели! – торопливо заговорила Видиборова большуха, точно боялась, что перебьют. – Сторожили отроки поле, костер жгли, так видели: ведьма наискось поле жала, да не ногами на земле стояла, а висит в воздухе вниз головой, волосы до земли, и так жнет!

Через открытые двери ее пронзительный голос разносился по двору. Эльга видела, как отроки возле гридницы давятся от смеха: им так и виделась голая баба, висящая над полем вниз головой! Им что – родившиеся при дворе Олава хольмгардского или Олега Вещего, эти парни сроду не выходили на поля, не умели взяться ни за рало, ни за косу. Расскажи им, что для посева льна семя засыпают в мужские порты и кладут туда же два куриных яйца – живот надорвут от смеха. Для них везде, куда ни придут, выкладывали готовое: и хлеб, и тканьину. А если с «урожаем» выдавались сложности, то они свою пашню пахали жалами острых мечей.

Бабам же было не до смеха: у них в глазах стоял голодный год и мрущие дети.

– И что же они? – Эльга подалась вперед. – Что ваши парни сделали?

– Бежать пустились, дурни! – вздохнула Видибориха.

– Вот так – она швое дело делает, а шледов нет! – прошамкала беззубая Добротвориха. – И обштриги она хоть вше нивы на Полянщине, нам и невдомек!

– Я знаю, меня бабка учила! – Бережана из Роговеля замахала рукой, прося всех ее послушать. – Есть средство. Надо нам всем по горсти зерна со своего поля принести, посреди расходных дорог костер сложить и туда бросить. Тогда кто поля портил, у того у самого на поле весь хлеб погорит!

– Надо вот те колосья, что после ведьмы собрали, в горшок сложить и на печке варить! – вставила Немировна. – Если три дня варить, то ведьма сама прибежит!

– А я на Почайне нынче слыхала, что на расхождении дорог-то вся ворожба и творится! – Семчиха из Русаловки сделала большие глаза. – Видели люди, что там посреди дорог воткнул в землю нож огромный, черный, и видели, как бежали три бабы, то есть две бабы и мужик! До ножа добежали, через нож кувырнулись, и дальше побежали вепрями бурыми!

– На Почайне?

– На причалах, где купцы пристают. Там уж весь народ знает, все говорят!

– Две бабы и мужик? – переспросила Эльга. – Но Беляница одна!

– Видать, мать и отец помогать взялись! – сказала Немировна. – Такие же они злыдни, весь род их!

– Хватит, бабы! – решила Эльга. – Нынче на закате сделаем с вами оберег поля. Откуда злое дело началось, там и мы начнем, а дальше боги нам помогут.

* * *

На этот раз провожать княгиню к полю отправился сам Ингвар с десятком отроков. Но они остались за перелеском: как ни беспокоился князь, не нападет ли на жену ведьма в облике

свиньи, мужчинам нельзя было видеть обряд, иначе пропадет вся сила. Зато с Эльгой пошла Ута, Ростислава Предславна, пять женщин Избыгневичей и еще кое-кто из знатных киевлянок. Все уже слышали про порчу и ведьму в облике вепря, всем хотелось посмотреть, как молодая княгиня будет справляться с этой бедой.

– Что там Свенельдич? – на ходу тайком шепнула Эльга Уте.

Мысль о том, как Мистина ведет свою часть, не давала ей покоя даже сейчас.

– Вернулся к полудню. И спать завалился.

– Где он был?

– Не сказал. Но одежда пахнет лесом.

Вот что он делал целую ночь в лесу? Порой Эльга в душе пеняла на кротость сестры, не задающей мужу вопросов.

Близился вечер, над полями пылал закат, золотя созревшую ниву. Солнце садилось за рощей, по голубому шелку простирались прямые лучи – словно руки, протянутые от неба к земле и предлагающие помощь.

Лошадь Эльга оставила с Ингваром и отроками, а на поле пошла с боярынями и тремя служанками. Княгиня сама несла старинный серп с костяной рукояткой: больше ничьи руки не смеют касаться святыни полянских нив. На месте ждали все женщины Радовекова сельца и три десятка старших баб со всей округи. Завидев княгиню, стали кланяться; Эльга кивала в ответ. При мысли, что все эти женщины – и все их домочадцы, то есть без преувеличения все племя полян – надеются на нее, как на саму Мокошь, способную избавить их от гибели урожая и голода, ей становилось весело. Пробирала приятная дрожь волнения, и оттого казалось, что тело становится невесомым. При каждом вдохе сила распирала грудь: вот-вот ноги оторвутся от земли понесут ее по воздушной тропе в золото заката...

В первый раз к ней сейчас пришло это чувство: будто в ней, как в сосуде, собирается сила всех женщин ее земли. А собрав эту силу, она словно опустила корень в почву и слилась с ее глубинами, полными неисчерпаемой мощи. Здесь простирались владения иного племени, и ее оскорбленные чуры не имели над ней такой власти, как в ее родном краю. При помощи этих женщин, этих неуклюжих баб и полногрудых молодаек в красных плахтах и белых намитках, она обретала помощь чужих чуров.

И это казалось чудом. Не диво, если к богам обращается князь, по прямой ветви родства происходящий от пращуров-основателей всего племени. Но в чужой земле пришлый властитель становился чем-то большим, чем даже старший сын старшего сына в сорока поколениях. Право на власть он не получает вместе с кровью отца и деда, а приносит в себе, получив его... от кого? От своих богов? От судьбы и удачи? В здешних краях первым это сумел сделать Олег Вещий. Его кровь текла в жилах Эльги, его удача была растворена в ней. И сегодня ей предстояло доказать свое право делом.

К тому времени как она встала украя поля, эта сила уже распирала ее, так что грудь казалась слишком тесной для дыхания. Эльга подошла к полю с восточного края, обращенного к Днепру. На ней была такая же сорочка и красная плахта, как на этих женщинах; в обрамлении белой намитки лицо выглядело старше и суровее. Положив наземь серп в рушнике, княгиня размотала намитку, освободила косы и расплела их – светлые волосы крупными волнами упали ниже пояса. Потом развязала пояс, отдала плахту Ростиславе, растянула застежку на воротах, сбросила сорочку к ногам и вышла из нее.

Бабы смотрели, как замороженные: казалось, из облика обычной земной женщины вдруг вылупилось, как из скорлупы, совершенно иное существо – неземное, вольноеи прекрасное. Молодая стройная женщина, обнаженная и окутанная волнами густых светлых волос, напоминалаполудницу – дух полевых наделов, что именно в таком виде является мужчинам во время отдыха на ниве и заманивает в игры, из которых мало кто выходит живым. Светло-русые волосы казались продолжением густых колосьев, движения стройного тела перекликались с колыха-

ниемнивы. Они стали одним целым, и в этой женщине бабы видели уже не княгиню свою, а сам дух земли, явившийся их изумленным очам.

Связав кульком платок, Эльга повесила его себе на шею, так что кулек оказался за спиной. Взяла серп, повернулась лицом на запад и позвала:

– Мать моя, Заря Вечерняя! Мать моя, нива золотая! Будь цела!

Она поклонилась, и бабы тоже поклонились; опытные догадались повторить:

– Будь цела!

– Ведаешь ли, зачем мы пришли? Мой серп – воевода, – Эльга протянула к заре серп, держа его обеими руками, – ходит около города! Ходит, приговаривает, сильным словом огорживает! Велесу-Батюшке кланяется, – она поклонилась, – кланяется, приговаривает...

Она пошла вдоль северного края надела; наклоняясь, срезала серпом по три колоска: три бросала наземь, три складывала в кулек из платка у себя за спиной. И говорила:

– Охрани, Велес-батюшка, нашу ниву от ведьмы-порчельницы, пережинщицы! Наша рожь – как лес густа, как дуб толста! Из колоса – пирожок, из горсти – зерна мешок! Чтобы ветром ее не развеяло, солнцем не высушило, градом не выбило, дождем не вымочило! Нам – жать-пожинать, колос собирать, снопы возить, молотить, пиво варить, молодых женить! А ведьме-злодейке – хлеба не жевать, в борозде лежать, камень глотать! Как руно овечье волохато, так буди моя нива житом богата!

– Буди! – по знаку старой Добротвориhi закричали женщины, в самозабвении наблюдавшие за каждым движением княгини.

Изначально Эльгу учили говорить «как шуба у медведя волохата», но она не решилась призвать священного Велесова зверя – уж он едва ли теперь станет ей помогать.

Дойдя до конца восточной стороны поля, она вновь встала, вновь протянула серп в сторону заката и воззвала к Вечерней Заре, к Матери Мокоши. Все повторилось. С призывом к Перуну и Стрибогу Эльга обошла поле со всех сторон, замкнув круг. Дело было нелегким: требовалось не сбиться с шага, в лад выговаривая слова заговора, и не задеть серпом по собственным волосам, которые при наклоне падали на землю, лезли под руки и под ноги и вообще мешали. Жесткие усики колосьев задевали обнаженную кожу, и от этого пробирала дрожь; вечерний ветер, свободно овевавший все тело, будоражил и усиливал чувство отрешенности от земного и всего человеческого. Чтобы ступить на тропу богов, нужно сойти с людских троп, потому-то всякая важная ворожба творится без одежды. Клонясь, будто колос, Эльга сливалась с нивой и через себя передавала ей оберегающую силу богов. У нее получилось: она была будто сосуд, принимающий и изливающий. Увлеченная этим чувством, она почти не ощущала, как колют босые ноги комья земли и жесткие стебли. Она дышала заодно с землей и нивой, ее устами сами боги заклинали благополучие нив полянских.

А бабы едва вспоминали, когда нужно было подавать голос: стройное тело молодой княгини в облаке светлых волос было прекрасно, как солнечный луч, переносящий земле любовь и защиту неба. Даже ее несходство с ними стало казаться признаком избранности, особенности той, что стоит над всеми женами полян и русов.

Вот Эльга дошла до конца последнего, западного края поля. Обернулась лицом к садящемуся солнцу. Собираясь на покой, светило стояло в приоткрытой двери своего небесного дома; казалось, Солнцева Дева обернулась на пороге и ждет, предлагая зайти в гости. И было чувство, будто можно одним шагом вступить на ее дорожку... Но куда же она пойдет? Вся земля Полянская – ее дом, ее хозяйство.

Закончив обряд, Эльга сняла со спины набитый колосьями кулек, передала Добротвориhe и Видибориhe. Немировна тоже подскочила, протянула руки, но Эльга отстранила ее выставленной ладонью:

– Нет, ты не трогай. Эти колосья я заберу на Святую гору, а ты скажи мужу и сыновьям, что князь ожидает их в четверг. Тогда он решение вам объявит.

Ростислава и Соловьица, Избыгнелова невестка, подали ей сорочку и плахту; на лицах боярынь тоже отражалось уважительное смятение. Пройтись голой вдоль поля может каждая, но не каждая может сделать это так, чтобы за внешним действием просвечивал высший смысл. Эльга оделась, служанки заплели ей косы, уложили и покрыли намиткой. Заболели оцарапанные ноги, и Эльга порадовалась тому, что поблизости ждет лошадь. От жестких усиков чесалось все тело, но она терпела, не показывая вида. Богини не чешутся...

– А как же с ведьмой-то будет? – решила спросить озадаченная Немировна. – О ней-то что князь решит?

– О ведьме я жду вестей, – строго сказала Эльга, будто знала, чего именно ждет. – И когда их доставят, вы все узнаете.

«Все, что вам нужно знать», – слышалось за ее словами, и больше никто ни о чем не спросил.

Темнота уже смыкалась вокруг, когда бабы расходились. Иных, приехавших издалека, ждали на Днепре челны с сыновьями или внуками. Эльга вернулась в перелесок, где ожидал Ингвар с лошадьми и отроками. Она устала, но где-то в глубине сердца будто светился последний луч уходящего солнца.

И каждый, кто смотрел на нее, видел в ее лице тот отсвет закатной нивы.

– Ну, как все сладилось? – Муж шагнул ей навстречу.

– Хорошо, – только ответила Эльга.

– Ноги поцарапала?

– Да. И все чешется. Хочу в баню.

– Еще раз? Ты что! – Ингвар показала на дальнюю сторону неба, едва освещенную последними желтыми отблесками. – Дело к ночи, а ночью нельзя, банник задерет!

– А ты, князь русский, банника испугался? – поддразнила его Эльга.

Ингвар только хмыкнул.

Эльга вздохнула и зажмурилась, стараясь прийти в себя. Саднящие ступни очень кстати напоминали: не она стала богиней, а богиня ненадолго стала ею... Очень важно не упустить из виду эту разницу.

Но даже когда она уже села в седло и Ингвар укутал ее колени своим плащом, ее не покинуло чувство, будто она растет корнями в земле, как колос, однако это не мешает ей свободно двигаться. Даже наоборот, эти корни были... точно подземные крылья.

Вспоминая удивленные и почтительные лица баб, Эльга подумала: кажется, сегодня она еще раз стала княгиней полян.

* * *

На другой день справили зажинки. Эльга снова вышла в поле – теперь к Войниловичам, не пострадавшим от потрав. Кроме хозяек, пришли еще с десятков соседских большух: княгиня могла выйти только на одно поле, и они после вчерашнего жаждали начать жатву с ней заодно, хотя и на чужом поле, чтобы потом проделать то же самое у себя, как каждый год. Эльга уже знала, что княгиня Бранеслава, полянская жена Олега Вещего, обходила из года в год окрестные нивы по очереди, и те роды, к кому она являлась, считались особенно почтенными и удачливыми, будто к их житу прикладывает руки сама Мокошь. Эльга очень надеялась лет за десять заработать такую же славу.

Только бы теперь доброй погоды боги послали! Она посмотрела в ясное небо: Перун, не подведи! Пронеси все тучи молоком!

Ловко, будто это дело ей давно привычно, Эльга прошла крайний рядок, потом и бабы-хозяйки взялись за серпы. Сжали и связали первых девять снопов, разложили их по кругу, сами сели в середину и начали угощаться хлебом и вареными яйцами. Первый кусок отдали ниве,

потом запели. Еще пока пели, Эльга заметила, как переменялась в лице какая-то молодуха напротив нее.

– Ой, полудянка! – вскрикнула та, едва смолкла песня.

Еще одна ворожея? Эльга обернулась.

По дороге вдоль поля к ним приближалась женщина, молодая и довольно рослая, одетая в белое. Под лучами жаркого солнца от нее и впрямь веяло потусторонним. И она казалась каким-то особо смелым духом, не боящимся дневного света.

– Лихоманка это, а не полудянка! – крикнул кто-то.

Женщины вскочили, Эльга осталась сидеть на кошке, только повернулась лицом к госте. Вот уже месяца четыре на земле полян нет ни одной женщины, перед которой ей пришлось бы встать, и пусть никто об этом не забывает.

За ее спиной чей-то голос ахнул:

– Божечки, да это ж Беяница!

Ну, конечно, кому же еще! Теперь Эльга и сама видела, что к ней приближается женщина, одетая в сряду «глубокой печали», как недавняя вдова. По виду она была лишь года на три старше Эльги, но выглядела изможденной: бледное лицо с впалыми щеками, темные тени под глазами, исхудалые руки. Когда-то она была миловидна, но горе съело всю красу. Такая худоба в народе считается признаком или испорченности, или умения наводить порчу.

Женщины стояли позади Эльги полуколыцом, и каждая сжимала свой серп, будто оружие. Мельком оглянувшись, Эльга заметила на загорелых лицах смесь испуга и решимости. Возглавляемые княгиней воинственного русского рода, они готовы были постоять за урожай и свой хлеб. Казалось, дай им знак, и они бросятся вперед, обрушат на пришлицу свои остро заточенные серпы...

Но княгиня сидела в невозмутимом спокойствии, и серп ее лежал рядом на кошке.

Беяница подошла, остановилась в трех шагах и поклонилась.

– Ой, да что же это... – начала Войнилиха, испуганная, что появление злодейки испортит и ее только что зажатое поле.

Но Эльга, не оборачиваясь, сделала рукой знак, и баба умолкла. Остальные и так молчали, выжидая, что будет.

– Кто ты? – спросила Эльга в ответ на поклон. – Что у тебя за дело ко мне? Говори.

– Беяница я, – молодая женщина еще раз поклонилась. – Беянцова дочь. Пришла я к тебе, княгиня, искать защиты и честного суда. Убил злой человек моего мужа, Червеца, Радо-векова сына, на меня его родня напраслины возвела целый воз. Будто завлекала я его, подлеца, Загребу, деверя старшего, и сама его на блуд подбивала. А чего его подбивать, похотника бесстыжего! Уж сколько девки на него жаловались – на Купалиях никому проходу не дает! Ты, княгиня, прикажи среднюю сноху допросить, Яримчу. Он и ее тоже домогался, да только Будяте жены для старшего брата не жаль. А я не хотела. Не Загребу мне отец с матерью в мужа назначили.

Эльга слушала, рассматривая ее. Нет, эта женщина явно не из тех, кто станет подбивать на блуд кого бы то ни было, особенно когда имеется собственный муж. А вот что мужику давно надоела собственная жена и его потянуло на молоденькую чужую – это очень может быть. Наверное, прежде Беяница была поплотнее и порумянее, да и худые бабы иным нравятся.

– К ним в семью девки идти не хотят, – добавил Беяница. – Вон, Войнилиху спрости – чего они свою Кличанку за Рожняту не отдали?

Обернувшись, Эльга посмотрела на женщин позади себя: на некоторых лицах отражалось смущение.

– Кто-нибудь слышал, чтобы Загреба на Купалиях к девкам приставал?

– Ну... На Купалиях... – отозвалась Войнилиха, на которую Эльга смотрела. – Оно всякое бывает... На то игрища...

– Ко мне он не на игрище полез, а как корову шла на заре доить. Я хоть чем поклянусь, что не завлекала этого срамника, – Беяница устремила на Эльгу взор, в котором отчаяние сплывало в железную решимость. – И на род мой, будто бы ведьму выкормил, я клеветы возводить не дам. Прикажи, княгиня, я согласна, пусть меня испытывают, только тогда и Немировну со мной заодно! Это ей срам, что сына такого нечестного вырастила, а теперь покрывает братоубийцу, на меня стыд перекладывает!

– Братоубийце прощения нет, – медленно отчеканила Эльга.

В глазах Беяницы мелькнула надежда – неужели ее услышат?

– Здесь, на ниве, мы не будем судов творить. А ты передай отцу, чтобы в четверг приходил на Святую гору, – распорядилась Эльга. – И сама приходи.

Она сидела на кошке, расстеленной среди пыльной стерни, одетая в простую одежду полянских женщин, однако собственная власть над судьбами людей казалась ей почти осязаемой. Земля, небо, кровь Олега Вещего избрали ее орудием, чтобы творить свою волю в людском мире, и Эльга почти чувствовала, как эти незримые руки направляют ее. От этого чувства захватывало дух, и все трудности пройденного пути казались не слишком высокой ценой. А ведь ей только восемнадцать лет, у нее пока всего один ребенок, а впереди еще лет двадцать-тридцать этой дороги, вымощенной солнечными лучами...

Беяница поклонилась и пошла прочь. Женщины в молчании провожали ее глазами, пока она не скрылась за перелеском, и даже не сразу решились снова сесть. А Эльга взяла серп и поднялась.

Здесь, на полях, она свое дело закончила. С жатвой бабы дальше управятся без нее, но оставалось кое-что, что могла исполнить только княгиня.

* * *

Эльга стояла возле телеги и считала яйца в корзинах. Видебор, как почти все старейшины вблизи Киева, был свободен от выплаты куницы с дыма, но круглый год возил на княжий двор той же стоимости съестные припасы, которые нельзя долго хранить. В разное время года каждый день на Олегову гору приезжали телеги, где в корзинах лежали яйца, сыр во влажном полотне, масло, молоко в больших корчагах, летом – ягоды свежие и сушеные, ближе к осени – грибы и орехи. У Эльги имелся ключник по имени Седун, но он, хоть и отличался усердием и честностью, умом был не слишком боек. Поэтому она сама пересчитывала привозимое и сама следила за расходом добра, каждое утро давая указания, чего и сколько выдать челядинкам для поварни. Очень хотелось хотя бы эту заботу переложить на чью-нибудь чужую толковую голову, но где такую взять?

Люди нужны! Эльга уже сказала Ингвару: если при сборе дани кто-то не сможет расплатиться, как уговорено, пусть берет людьми. Отроками и девицами, что посмышленнее.

Она пересчитала две корзины, но на третьей ее стал отвлекать шум за воротами.

– Оборотней везут! – закричал за тынами звонкий голос. – Батя, смотри скорее!

– Ведьмы, ведьмы!

– Порчельники!

– Которые поля стригли!

– Малята, беги смотреть!

Эльга в тревоге подняла голову. Кого там еще везут? Неужели Радовековичи все же подняли народ и схватили Беяницу? От этой мысли у Эльги опустились руки. Живая? Или убили?

Забыв о яйцах, она кинулась к воротам. Кое-кто из отроков мчался навстречу шуму, но вдоль тынов уже катилась толпа.

– Княгиня, вернись! – За ней побежал Вышеславец, десятский сегодняшней стражи. – Леший знает, что там стряслось, закроем ворота, от беды подальше.

Створки затворили, десяток вооруженных гридей на всякий случай встал поблизости. Шум нарастал. В голосах возбужденной толпы слышались испуг и изумление.

– Отойди! По сторонам! – кричали там повелительные голоса оружников.

Эльга оглянулась в сторону гридницы: Ингвар вышел и стоял перед дверью, положив руки на пояс.

– Княже! – Вышеславецу ворот обернулся. – Свенельдич тебя просит выйти! Такую добычу привез, – десятский усмехнулся, – что во двор нельзя везти!

О боги! Это Мистина! Эльга устремилась вперед со всей прытью, какую допускало достоинство княгини.

Вместе с Ингваром и гридями она вышли за ворота. И ахнула: там стояла телега, на телеге громоздилась какая-то большая куча, прикрытая нарубленными, уже немного подвявшими ветками. Эльгу бросило в дрожь. Возле телеги сидел на вороном жеребце Мистина в окружении своих оружников – человек десять. Возле кучи в телеге лежали три или четыре рогатины.

– Будь жив, княже! – Мистина соскочил с седла. – И ты, княгиня! Исполнил я ваше повеление. Велите наградить!

Ингвар ухмылялся, Эльга сосредоточилась на том, чтобы не измениться в лице и не вытаращить глаза. Она ему ничего такого не повелевала. Может, муж?

– Раздобыл я порчельников! – с гордостью продолжал Мистина. – Люди указали, где посреди дорог расхожих втыкают злыдни нож в землю и через него оборачивают вепрями, чтобы нивы губить. Подстерегли мы их, как оборотились они, да и взяли на рогатины! Вот они, все трое! – Он с торжеством указал на телегу. – Две бабы и мужик, как и говорили! Люди-то все знают, вот и вышла чистая правда! Взгляните.

Эльга мельком отметила, что он говорит на чистом славянском языке – будто обращается не столько к ней и князю, сколько к толпе вокруг. Одолевая дрожь, вслед за мужем Эльга подошла ближе. Что там – мертвые тела? Где он их взял?

Из-под веток торчало пыльное копытце и немного жесткой бурой шерсти. Ингвар сделал знак, отроки сдвинули часть покрыва, и Эльга вскрикнула. Клиновидная бурая морда, оскаленные зубы... На морде густо засохла кровь – видимо, хлынула горлом, когда кабан получил смертельную рану, – но производило это столь жуткое впечатление, будто перед тобой хищное чудовище.

Это были совершенно такие же вепри, как те, каких Эльга после княжьих ловов раздывала, готовила в пищу дружине и пускала на всевозможные припасы. Но люди подались в стороны с испуганными возгласами: каждая щетинка на мордах казалась особенно зловещей. Оборотни же!

– Привез я и нож тот чародейский! – Мистина взял что-то с краю телеги, завернутое в кусок кожи. – Народ, разойдись, а то заденете!

Толпа заволновалась: всем хотелось одновременно и отойти подальше, и увидеть чудо поближе. Мистина положил сверток на бок туши, вынул из ножен скрамасакс и осторожно, не прикасаясь пальцами, развернул кожу.

На свет показался грубо выкованный нож без рукояти. От него веяло жутью.

– Вот через этот нож и оборачивались. Посмотрите, люди! – Мистина огляделся. – Тот самый нож? Ведь были видоки, кто его сам на дороге примечал?

Толпа загудела. Все слышали, что кто-то видел чародейский нож. Никто себя видоком не объявил, но общее мнение сошлось почти мгновенно: нож тот самый!

– Чего с ним теперь делать? – спросил Мистина.

– В реку бросить! – подали голос из толпы.

– И оборотней в реку!

– Оборотней сжечь, а не то выплывут!

– Ну, ты молодец! – Ингвар подошел к побратиму и одобрительно похлопал по плечу. – Не подвел, воевода! Теперь только отвези эту падаль в дальний овраг да вели сжечь, а пепел в Днепр высыпать, чтобы и духу от них не осталось! А за службу награжу, не забуду!

Мистина еще раз поклонился, быстро глянул на Эльгу. Если можно подмигнуть, не опуская век, то сейчас он это сделал.

* * *

Ингвар еще сидел в гриднице с дружиной, а Эльга, убедившись, что еды всем хватило, ушла наконец в избу. Добрета как раз собралась кормить Святку, и Эльга забрала ребенка. Подумала: у нее один, и то она его едва успевает видеть. Как же Ута управится со своим десятком? Правда, трое старших мальчиков уже на попечении отроков, у Колошки и Соломки даже свой дядька-кормилец есть, Дивуша помогает приемной матери с девочками, а Владива надзирает за воеводским хозяйством. И ни с какими делами, кроме домашних, Уту не тревожат. А княгине на собственный дом едва время удастся выбрать.

Посадив Святку на колени, Эльга принялась кормить его творогом. Через раз отправляла ложку к себе в рот: от всех волнений за обедом ей не хотелось есть.

В дверь снаружи всунулся Воцага, отрок:

– Свенельдич пришел.

– Пусть войдет! – Эльга даже привстала от нетерпения, но потом опять села.

Она очень надеялась, что Мистина еще заглянет к ним и толком все расскажет, и теперь обрадовалась.

А увидев его лицо, поняла почему он явился: гость лучился торжеством. Ей одной, кроме собственной жены, он мог похвалиться сделанным, поскольку никто, кроме них и кое-кого из отроков, не был посвящен в тайну оборотней на ниве.

Мистина подошел, наклонился над столом, упираясь ладонями в крышку. Хвост длинных русых волос свесился на плечо, на Эльгу повеяло запахом леса и земли.

– А кто молодец? – со значением осведомился Мистина.

– Возьми с полки холодец! – Эльга изо всех сил подавляла улыбку, чтобы не растянулась до ушей. – Неужели ты и правда сжег целых три свиньи?

– Я что, дурак? Шкуры и требуху попалили для вони, а мясо в Вышгород ребята отвезли. Там и настоящих оборотней слопают.

Глаза его были веселыми, а лицо сияло таким самодовольством, что Эльга едва сдерживала смех.

У нее даже возник порыв поцеловать его на радостях, но потом он сказал такое, что она сразу передумала.

– И еще говорят... – он понизил голос, – что пока я оборотней ловил, по Радовековой ниве сама Жива ходила... без всякого платья прекраснее, чем царица греческая – в паволоках золотых... Только представлю...

Его взгляд как будто пытался пройти сквозь ее платье и почтительно коснуться того сокровища, что под ним.

– Ты не подсматривал? – нахмурилась Эльга.

Как знать, где он слонялся в две последние ночи!

– Нет, – с мгновенной заминкой ответил Мистина. – Даже если бы у меня было время любоваться... не хотел бы я вам все запороть. А вдруг порчу и правда нужно было снимать?

– Но откуда порча? – полушепотом спросила Эльга и подалась к нему. – Это же простые свиньи!

– Свиньи – простые. Но они вылезли, как кудесы из задницы, когда мы с тобой и впрямь сделали зажин чужого поля.

Теперь Мистина уже не улыбался, и от вида его посуровевшего лица у Эльги похолодело в груди.

– Ты что... – ее голос упал совсем до шепота, – думаешь, я и правда испортила им поле?

Мистина молчал, но в глазах его отражались неприятные воспоминания. И Эльга поняла, о чем он думает. Ее и саму еще три года назад, когда они только приехали в Киев, не раз посещали сомнения, что после убийства Князя-Медведя ей не будет удачи.

Но чтобы она стала носительницей сглаза – она, новая княгиня руси?

– Я... не думаю, – отчасти неуверенно ответил Мистина. – Но такую возможность... надо иметь в виду. Просто из осторожности, понимаешь? И у нас же все получилось? – Он подмигнул. – Удача Вещего сильнее проклятья какой-то старой вонючей шкуры из чащи на другом краю света.

У Эльги отлегло от сердца: кажется, что на этот раз он говорил искренне.

– Да, – она кивнула, – удача Вещего сильнее. – Я это чувствовала, понимаешь? Они отвечали мне – земля, нива, небо... Боги...

– Я тебя уверяю, – Мистина наклонился еще ниже к ней через стол, – Перуну, Дажьбогу и прочим уж верно понравилось то, что они увидели. Будь я кем-нибудь из них – такой красивой женщине я многое бы простил! Но поскольку я не бог, – он выпрямился, – то не посмел бы ставить под удар вашу ворожбу.

– Боги наградят тебя за скромность, – хмыкнула Эльга, стараясь не думать о том, что он сейчас видит в своих мыслях.

– Лучше ты сама. Пойдем, покажи мне, где тот холодец, – Мистина улыбнулся с намеком на то, с какой именно полки он желал бы получить свою награду.

Его взгляд скользнул по ее шее в длинный разрез сорочки; Эльга засмеялась, скрывая смятение, надеясь обратить все в шутку и не находя ответа. По его лицу было видно: он верит если не в успех своей просьбы, то хотя бы в свое право попросить. Надо было бы его осадить, сделать строгое лицо – ишь, размечтался! – но горячая признательность за все это дело с оборотнями на ниве делала Эльгу снисходительной. Мистина стал ее сообщником, более верным другом, чем муж и сестра, и провел свою часть как нельзя лучше – так, что сейчас Эльгу переполняли восхищение и благодарность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.